

Кира
Калинина

КОШКА
БЕЛОГО ГРАФА

Магическая любовь

Кира Калинина

Кошка Белого Графа

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина К.

Кошка Белого Графа / К. Калинина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Магическая любовь)

ISBN 978-5-17-158089-6

У портнихи Карин есть маленький секрет: она умеет обращаться в кошку. Днем шьет свадебные платья, ночью гуляет по карнизам. Но однажды любопытство сыграло с ней недобрую шутку... Чужое окно, обрывки подозрительного разговора, всплеск темной магии – и Карин никому не расскажет о том, что слышала, потому что лишилась способности принимать человеческий облик. Единственная возможность избавиться от злых чар – особый ритуал в столичном Храме Всех Богов. Но как добраться туда по заснеженным дорогам, когда на дворе такая стужа, что птицы коченеют на лету? Опальный маг зимы, тот, кого называют Белым Графом, вновь призван ко двору, чтобы усмирить стихию. Но у повелителя вьюг и морозов свои планы, и не последнее место в них отведено девушке-кошке, которая видит лето в его глазах...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158089-6

© Калинина К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	16
Глава 3,	23
Глава 4,	34
Глава 5,	43
Глава 6,	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кира Калинина

Кошка Белого Графа

© Кира Калинина, 2023

© Юлия Пасынкова, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1, *в которой я наряжаюсь невестой и странствую по карнизам*

У-у, не могу больше! Лапы коченеют, нос ледышкой стал, ушей не чую. Ветер сечет розгами, от шубы толку нет. Вот тебе и дар богини... Снежа, где ты? Мы же договорились! Неужели дашь мне сгинуть, не исполнив обета?..

В ночи выло и мело, мелькали белые тени, раздавались голоса. Но я старалась не видеть, не слушать. Думать о чем угодно, только не о том, что путь мой далек, а кругом ни жилья, ни дороги, одна снежная пустошь, и в этой пустоши глухой замерзает кошка...

Нельзя сдаваться. Боги помогают тем, кто не теряет веры.

Если выживу, напишу роман о своих злоключениях.

И начну, пожалуй, так...

Алое платье, фата, венчальные браслеты, лепестки роз на ступенях храма... Ненавижу! Ненавижу свадьбы.

У нас в Свеянске они случаются каждый день. По улицам мчат счастливые кортежи, ликует толпа, звенят бокалы, летят в воздух букеты, невесты плачут от радости... И ни сбежать от этого безобразия, ни спрятаться. Ведь моя мама – главная законодательница свадебных мод в нашем городке!

То есть как – законодательница? Фасоны она берет из столичных журналов. Но переинventing на свой лад таким образом, что никто и толики сходства не заподозрит.

У нас полгорода на свадьбы работает. Повара жарят в меду молочных поросят, запекают гусей с яблоками и томят в горшках рыбное филе с молоком. Кондитеры возводят сладкие замки высотой в человеческий рост. Каретных дел мастера украшают экипажи так затейливо, что, кажется, по улицам плывут каравеллы на колесах и едут сказочные дворцы. У цветочников на прилавках круглый год красуются лилии и фиалки из магических теплиц. Музыканты день и ночь играют свадебные танцы, художники пишут портреты молодоженов, граверы множат копии на подарки родне и друзьям. Недавно из Альготы прикатили два искусника с новомодной диковиной – фотографическим аппаратом, который рисует светом на магически обработанной бумаге. Какая же у них с граверами война началась!..

А все потому, что в нашем городе случился второй по величине храм Свена и Свяны – божественной четы, ведающей делами любви и брака. Первый, само собой, в Альготе, но наш слывет древнейшим. Будто бы в незапамятные времена боги отметили Свеянск особой милостью – и теперь все кому не лень стремятся к этой милости припасть.

Едут даже из соседних стран: кто о сокровенном просить, кто свадьбу играть, а кто и посмеяться. В Вайноре за любовь отвечает богиня Мага, в Эйлане – бог Виш, и чужеземцам странно, что у нас, ригонцев, не нашлось божества, способного управиться с сердечными делами в одиночку. Как будто сами не знают, что для любви нужны двое!

Свен и Свяна велят, чтобы девушка шла к алтарю в красном, и чем богаче наряд, чем длиннее шлейф венчального платья, тем счастливее будет ее супружеская жизнь. Мы с Майрой, это моя сестра, помогаем маме радовать невест и вводить в расходы их родителей или женихов – смотря кто платит. Майра сама мечтает однажды надеть алое. А я... Я все равно никогда замуж не выйду. «Почему?» – спросите вы. А потому что!

И невестам не завидую ни капельки, особенно богатым. Среди них, по-моему, несчастных больше всего. Бедные входят в храмовый Лабиринт по любви или ради лучшей жизни.

У богатых жизнь без того хороша, но выбора им все равно не дают – иди, за кого велено, и не спорь!

Вот из-за такой несчастной невесты и начались все мои беды.

За окном стояла темень, мороз заплетал стекла белым кружевом, ветер гудел в дымоходе. Свет масляных ламп переливался на красных шелках. Магический лучезар у нас один, и в мастерскую мы его переносим только после закрытия. А пока стоит в приемном зале – вдруг кто заглянет на огонек?

Зима нынче выдалась на редкость студеная и вьюжная, будто за что-то прогневалась на людей. Санные пути и те заносит, по железной дороге полтора месяца движения нет. Оттого гостей в Свеянске поубавилось. Тем вечером к нам в ателье вовсе никто не заходил, и мы занялись заказом вдовы Кнот втроем.

Майра грохотала ножной машинкой братьев Меррит, подшивая шлейф – бесконечный, как зимние ночи. Мама возилась с фатой. Я прикрепляла к лифу розочки из шелка эксельсиора – в сердцевине каждой сшиты в пучок по пять крохотных золотых бусин.

Мне нравилось мастерить мелкие украшения. Но сейчас я на эти розочки смотреть не могла. Шутка ли – сто шестьдесят пять одинаковых цветков за три дня!

Госпожа Кнот, перенявшая у покойного мужа хлебную торговлю, и дело вела с размахом, и, выдавая замуж единственную дочь, скупиться не стала. На платье, заказанное нам, одного шелкового крепа пламенно-алого тона сорок аршин пошло. Это не считая самого дорогого бархата, багряно-золотой камки, парчи, воздушной дымки-кристалла, четырех видов кружева, красного тантальского жемчуга и ста аршин золотой нити.

– Еще пара таких заказов, – сказала мама, нашивая на кайму фаты одно жемчужное зернышко за другим, – глядишь, и убытки покроем.

– Да уж, зима в этом году! – Грохот стих. Майра убрала ногу с педали, радуясь возможности передохнуть. – Сплошное разорение, а не зима. И куда Белый Граф смотрит? Совсем разленился!

– Он один, страна большая, везде не поспеть, – мама не поднимала глаз от шитья.

– Раньше-то поспевал.

– Раньше и зимы мягче были. А с этой, видно, не совладать. – Жемчужины в маминых пальцах мерцали, как угольки, невесомая дымка струилась утренней зарей. – Стихия сильнее человека, что ни говори.

Они с Майрой похожи, как и подобает матери и дочери. Не то что я – будто кукушонок в чужом гнезде. Обе невысокие, белокожие, темноволосые, с глазами серыми, как море в шторм. Истинные ригонки. Но мама красивее, хотя ей пятьдесят, а Майре двадцать. Когда улыбается, и вовсе глаз не отведешь. Жаль, улыбается мама только заказчикам.

Но иногда ее можно рассмешить.

– Белый Граф, – сказала я, – королевской невесте пути расчищает. Не до прочего ему!

У Майры заблестели глаза:

– Вот бы она к нам завернула! А что? Будущая королева Ригонии обязана чтить наших богов. Свену и Свяне перед свадьбой поклониться – святое дело. Подумаешь, кряк! Она же, небось, через Лейр поедет? Оттуда до Свеянска всего-то пятьдесят миль.

– Сушная мелочь! – подхватила я. – А из храма – напрямиком в ателье госпожи Эльс. Где еще королеве платье шить?

Мы дружно засмеялись.

В этот момент в приемном зале брякнул колокольчик.

– Карин, – сказала мама.

Будто я не помню, что сегодня моя очередь встречать заказчиков!

Скинула рабочий халат и поспешила в зал, на ходу обирая с себя нитки. Если занимаешься шитьем, нитки будут повсюду и всегда – сколько ни осторожничай. Маме с Майрой проще, у них наготове длинные расшитые жилеты на удобной застежке. Если понадобится, вмиг набросят и выйдут. Моя же доля нынче иная.

В зале у нас все устроено, как в столичных салонах: манекены из воска в самых роскошных платьях, на полках лучшие ткани, под окном мягкие диваны. Не стыдно перед клиентами, даже самыми богатыми и требовательными.

А именно такие к нам и пожаловали.

Барышня, румяная с мороза, в белом горностае, господин – в соболях, шуба до пят крыта черным кастором, в меховых рукавицах трость, сам грузный, солидный, лицо тяжелое.

Она – сразу к платьям. Он смахнул с бородки иней, потопал сапогами, оббивая снег – для кого скребок у крыльца поставлен да веник положен? – и приготовился скучать. А тут я. Господин сейчас же ожил и прилип ко мне взглядом. В дежурные дни я тоже манекеном служу. Вернее, куклой.

В Альготе куклы в большой моде. Газеты пишут, у королевы-бабушки целая комната под коллекцию отдана.

Особо славятся куклы-невесты из мастерской госпожи Свон – Королевна, Купчиха и Крестьянка. Вот мама и придумала одеть меня в свадебный крестьянский наряд, чтобы стала точь-в-точь как та кукла: пшеничные локоны, синие глаза и стати здоровой сельской девки, подчеркнутые тугой шнуровкой и пышными юбками. Такой я, по воле богов и отцовской крови, уродилась на свет – хоть сейчас в вит- рину!

Заказчицы видят и ахают. Отцы и братья, увязавшиеся с ними, пускают слюни – и платят не скупясь.

Вот и нынешний господин смотрит, будто лис на цыпленка, только не облизывается.

На благородного не похож, скорее купец или мануфактурщик. Насчет барышни с лёгу не поймешь. Наряжена, как принцесса, но при деньгах это не диво. В движениях изящна, спину держит прямо, ступает, будто плывет, а прехорошенькая – не помню, когда еще таких видела.

В ней чувствовалась ланнская кровь. И не капелька, как у иных, а полведра, не меньше. Кожа словно умыта солнцем, белки огромных бархатно-чайных глаз отливают синевой. Из-под шапочки выбился локон. Шоколадный, а не дегтярно-черный, как у чистокровных ланнов, но упругий, блестящий – и это в разгар зимы.

Повезло борову отхватить этакую красавицу. И с какой нужды на меня заглядывается?

Делать нечего. Пожелала доброго вечера, улыбнулась, присела заученным движением.

– Почтенные господа желают наряд к свадьбе? У нас в ателье шьются лучшие туалеты для самых разборчивых невест!

– Для самых, говоришь? – ухмыльнулся жених, сдвигая на затылок высокую шапку. – А для самых-самых?

– Особенно для самых-самых, почтенный господин.

– Зови меня кавалером, милочка.

Все-таки дворянин!

– Какое необычное платье, – голосок у барышни оказался, как хрустальный звоночек. – Панбархат поверх атласа? А это ирлунское кружево?

Она неделикатно помяла в пальчиках отделку подола.

– Не просто ирлунское, благородная госпожа. Такое сложное и тонкое плетение умеют создавать только в двух деревнях у озера Кальгер. Но должна предупредить, кальгерское кружево заметно дороже простого ирлунского.

– И что с того? – барышня, надув губки, обернулась к своему спутнику. – Батюшка, вы же купите мне это кальгерское кружево?

Вот те на. Обычно я отцов с женихами не путаю! Но – батюшка? Дворянки так не говорят. В крайнем случае – папенька, и то если барышня росла в глуши. В Альготе нынче церемонии не в ходу.

– Конечно, деточка. Купим все, что пожелаешь.

Господин улыбнулся, однако в его глазах, бледных, как зимнее небо, не было тепла.

Он швырнул на диван меховые рукавицы – на пальцах сверкнули перстни – и прошелся по залу, будто хозяин, оглядывая фикусы в ведрах, обернутых золотой тканью, и фигурки Свена и Свяны, развешанные в разных местах. Остановился перед грушевидной колбой лучезара на левом краю прилавка, заложил руки за спину. Колба из магически закаленного стекла сияла неярко, но в зале было светло как днем.

Барышня продолжала теребить и вертеть платье. Так и хотелось дать ей по рукам. Но я держала улыбку:

– Если вам нравится, благородная госпожа, мы можем сшить такое же по вашим меркам.

Платье и правда было из ряда вон. Пару идей мама подглядела у одной дамы из Эйлана – мода там более экстравагантная. Остальное додумала сама. Получился наряд, который привлекал внимание, демонстрируя фантазию модистки и мастерство швей.

Барышня задумчиво кивнула, разглядывая струящийся подол со сложными драпировками и разрезами, в которых виднелись слои других тканей.

Но господин хлопнул по ладони тростью:

– Платье для моей дочери должно быть единственным в своем роде!

С набалдашника трости скалилась звериная морда, не то волчья, не то собачья. Ей, видно, тоже платье по вкусу не пришлось.

И барышня сморщила носик:

– Вы правы, батюшка. Будет глупо, если у кого-то окажется такое же.

Я кожей ощутила, как она теряет интерес...

– Это новинка! Мы выставили его три дня назад. Если вы решите сделать заказ, сегодня же уберем. Заверяю, второго такого нет и не будет!

На самом деле платье стояло уже полгода. Все изумлялись, восхищались, но покупать не спешили. Слишком необычно, и фигура нужна идеальная, иначе будешь посмешищем.

Эта красавица не будет. Надо только ее удержать.

– Если заменить атлас на шармез, – я метнулась к прилавку, – получится еще лучше. Нам завезли изумительный шармез, позвольте, я покажу!

Только не умолкать. Говорить, говорить, что в голову взбредет...

Позади прилавка был стеллаж с тканями, на его боковой стенке – витой шнур, на шнуре – деревянная подвеска с фигурками Свена и Свяны.

Выручайте, родимые!..

Будто невзначай, я зацепила подвеску локтем – динь-динь, важные клиенты. Сдернула с полки штуку ткани и кинулась обратно к барышне.

Хвала Свяне, мама не стала медлить. И Майра вышла следом.

Не то чтобы я совсем не умела морочить головы заказчикам, но у сестры к этому талант. Она белому медведю зимой снег продаст.

– Благородную госпожу заинтересовало платье, которое мы закончили три дня назад, – отчиталась я.

Ни мама, ни Майра бровью не повели.

– Рада вас приветствовать, благородные господа, – пропела мама мелодичным грудным голосом. – Я хозяйка ателье, Гудрун Эльс.

– Кавалер Льет, – представился обладатель трости с собачьей головой. – Моей дочери Агде нужен первоклассный свадебный туалет. И чтоб ни у кого больше такого не водилось!

Его глаза с одобрением пробежались по маминой фигуре. Майру он едва удостоил взгляда. Как же – личико пресное, сама доска доской.

Но именно Майра решила дело. Как разлилась соловьем...

– Посмотрите, благородная госпожа, это редчайшая тибрийская парча, вдвое тоньше и легче обычной, но не менее прочная и прекрасная. Кроме нас, никто в Свеянске ее не закупает, даже госпожа Принн, а у нее лучшие ткани в городе! Из-за метелей доставка задержалась, наши клиентки еще не знают, что ее привезли. Завтра набегут и завалят нас заказами до самого лета. Вы же понимаете, просто так мы ткани не продаем, у нас ателье, а не лавка красных то-варов.

Никогда не могла понять, как ей это удастся. Я чуточку приврала и уже чувствую себя мошенницей, а Майра сочиняет небылицы как дышит. И ей верят!

Барышня Агда Льет расстегнула шубку, не сводя с моей сестры горящих глаз.

– Вы уже видели наш новый шармез? Взгляните! – Майра встряхнула край винно-красного полотнища, которое я успела раскинуть на диване, и по гладкой поверхности прокатилась волна блеска. – Все наши ткани освещены в храме Свена и Свяны, как и нитки, которыми мы шьем. А все, чего касаются божественные супруги, приносит любовь и счастье!

Сестра определенно была в ударе. Ох, не слышат ее храмовые служители.

– Уверяю, вы станете самой прекрасной невестой, самой любимой и счастливой на свете женой!

При последних словах барышня Льет вдруг сникла, потупилась, и с ее губ сорвался тяжкий вздох.

Эгей, а свадьба-то похоже не по любви! Или жених – гулена, которого обручальный браслет не исправит?

Майра тотчас зашла с другой стороны:

– Это платье предвосхищает самые модные веяния будущего сезона. Скоро все в столице будут носить такое. А вы станете первой! В этом наряде вы затмите саму принцессу Вайнора.

Улыбка Агды, не успев расцвести, увяла вновь, уголки рта горестно опустились, пушистые ресницы задрожали.

Да что опять не так? Видно же, что барышня падка на лесть!

Не по нраву, что ее, красавицу из красавиц, сравнили с другой, пусть эта другая – настоящая принцесса? Досадно, что сама родилась лишь дочерью простого кавалера?

Я бы растерялась, а Майра продолжала напирать:

– Северянкам алый не к лицу, они слишком блеклые. Надень на девушку из Вайнора такое платье, и все увидят платье, а не девушку. А у вас красота южная, огненная, ее свадебный наряд только подчеркнет. Это платье просто создано для вас!

Я тихо отошла в сторонку, чтобы своим видом не опровергать доводы Майры.

Барышня посмотрела на нее, на манекен в свадебном уборе и вздернула нос:

– Беру!

В такие моменты я думаю, что ателье должна наследовать Майра. Правда, шить она не любит. Но летом приедет мамина троюродная племянница из Дункаля – учиться у нас полезному ремеслу. Вдруг из нее толк выйдет?

Мама позвала барышню в заднюю комнату, чтобы снять мерки, я двинулась следом – помогать. А Майра собралась подать кавалеру чай и занимать его разговорами, покуда мы не освободимся.

Так у нас было заведено.

Однако кавалер повелительно указал пальцем на меня:

– Пусть она подаст.

Что ж, кто платит, тот и чай заказывает.

Водовар в примерочной мы держали для клиентов, да и сами за работой любили угощаться чайком. Угли в жаровне были горячие, так что управилась я споро. Составила на поднос все, что полагается, не забыв колотый сахар, мед и пастилу, и вернулась в зал.

Кавалер Льет расселся на диване, положив рядом с собой шапку и расстегнув шубу. Под мехами он оказался совсем не толст, видимость полноты создавало обрюзгшее лицо, казавшееся еще шире из-за светлой вайнской бородки.

Мед пах липой и летом, над чашкой вился парок. Я придвинула чайный столик к дивану и хотела отойти, но кавалер схватил меня за запястье:

– Сядь-ка, красавица.

– Что вы, нам не велено!

Пусть считает меня работницей, боящейся хозяйского гнева.

– Сядь, я сказал.

В тепле Льет успел вспотеть, его рука была горячей и влажной, но держала, будто тисками, так просто не вырвешься. А бить заказчика сахарницей по лбу – дело неблагодетельное.

Он стянул с пальца перстень с кровавым камнем. Неужели рубин? Какой большой!

– Нравится? Подарю, если поедешь со мной в Альготу.

Кавалер попытался вложить перстень мне в руку. Я вырвалась и вскочила, но от крепкого, до боли, щипка увернуться не смогла.

– Ишь, коза! Грех такое богатство в глуши хоронить, – глаза Льета плотоядно блеснули. – Поехали. Настоящей дамой тебя сделаю. В шелках будешь ходить, во дворцах танцевать, прислугу гонять в хвост и в гриву. А?

– Что вы такое говорите, кавалер! – напоказ ужаснулась я. Руки чесались плеснуть кипятка в гнусную рожу. – Как можно!

– Брось ломаться.

Он привстал с места, и я попятилась.

– Не хочешь? Ладно, неволить не буду. Но подумай хорошенько. Мы в доме Снульва остановились, знаешь такой? Пробудем до послезавтра. Надумаешь, приходи.

Остаток вечера мы спешно кроили и сшивали муляж из дешевого муслина. Завтра на барышне все подгоним; если надо, подправим фасон. Получим задаток, и пусть катятся в свою Альготу – гладкой им дороги, попутного ветра. А мы по муляжу будем платье шить. Свадьба через месяц, успеем.

Майра чуть не плакала от зависти:

– Какая фигурка! А личико!.. Почему одним все, а другим ничего? И у папаши денег что воды в море!

– Папаша – скотина, – не удержалась я.

– Но богатая скотина! Глаз на тебя положил, – Майра закончила пришивать оборку к подолу и уперла руки в боки. – А ты? Сбежала как маленькая. Распустила бы завязки, – она похлопала себя по плоской груди, – так он бы не то что свадебное платье, целый гардероб у нас заказал!

– Майра! – возмутилась мама. – Ты в своем уме?

– А что? Дано богами – пользуйся!

– Карин надо думать о репутации. Что скажет господин Стир?

Я бросила расправлять складки на платье.

– Моя репутация господина Стира не касается. Я не выйду за него, сколько раз повторять.

Нотариус Арнульф Стир, вдовец сорока четырех лет от роду, был не единственным, кто сватался ко мне, но из всех женихов он один превосходил нас достатком. Прочие имели виды не столько на меня, сколько на ателье, хотя каждый при случае норовил зажать в темном углу,

как бы скромно я ни одевалась и как бы строго себя ни держала. Каждый, кроме господина Стира. Этот только ел глазами, потихоньку багровел и покрывался испариной – весь, от тугого крахмального воротничка до залысин на лбу. Будь я обычной девушкой, все равно бы за такого не пошла. Страшно.

Мама в сердцах отшвырнула непришитый бант.

– Лучшей партии тебе не найти! Карин, хватит тянуть. Тебе уже двадцать три. Сходи к Дакху, пока не поздно. Хочешь, вместе пойдем?

– Не хочу! Говорю тебе, я не откажусь от своей природы.

– Карин, посмотри на меня...

– Я и смотрю!..

– Прекратите! – выкрикнула Майра. – Давайте закончим, и я спать пойду, а вы ругайтесь потом, хоть лоп-ните.

Все верно. Наши споры о храме Дакха и о секаче, который при нем служит, часто оканчивались жестокими ссорами, после которых мы дулись друг на друга по несколько дней.

В Свеянске лишь один настоящий храм – Свена и Свяны. Есть еще десяток святилищ других исконных ригонских богов. А неумолимого Дакха, бога суда, кары и воздаяния, завезли в наши края захватчики ланны. Храмов его на всю страну три штуки. Один как раз в деревушке Снее, в двух часах пути от Свеянска.

Мама считает, нам повезло. А я скажу: охрани Свен от такого счастья!

Все мы связаны душой с незримыми мирами. С миром снов и миром богов, Небылью и Зыбью – со всем их великим множеством. Некоторым эта связь дает больше, чем другим: вещие сны, способность к магии, второе, звериное, тело. А секачи Дакха обучены наши узы с незримыми мирами разрывать. По заказу, приказу или своим произволом. Служители Дакха именуют секачей по-ланнски «кхальпуна кхелтари», что значит «восстанавливающие справедливость». Но разве это справедливо – отнимать то, что не ими дано?..

Следующий час прошел в тяжелом молчании. Говорили сухо и по делу, не глядя друг на друга.

Когда муляж был готов, я вздохнула с облегчением. Можно наконец избавиться от тугого корсажа, сбросить громоздкие юбки, потянуться от души и упасть в постель... Но есть лучший способ расслабиться.

Должно быть, я кинулась к двери слишком бойко.

– Не вздумай оборачиваться! – крикнула мама мне в спину.

– На улице вон какой колотун, – поддержала ее Майра. – Лапы отморозишь!

Знаю, о чем вы подумали.

На самом деле все не так. Я не обрастаю шерстью и не выворачиваю суставы, разрывая на себе одежду, чтобы в корчах стать зверем. Сказки это. Как человек может перекроить себя в кошку? Это же совершенно разные объемы телесного вещества!

Я захлопнула за собой дверь, щелкнула запором и запалила от свечи лампу в круглом стеклянном колпаке. Уютные желто-оранжевые мазки легли на стены, крытые тесом и крашенные в белый цвет, на подушки в кружевных наволочках, на этажерки с фарфоровыми котами и книжками в дешевых переплетах.

Домик у нас с мезонином – папа в свое время надстроил. Думал, семья у него будет большая, и им с мамой понадобится местечко, где можно спрятаться от детей. Потом комната с широкими окнами и резным балкончиком досталась мне. Вернее, я ее отвоевала. Мама хотела заколотить вход на лестницу, чтобы не топить вторую печь. А на самом деле – чтобы поменьше вспоминать папу.

Но как можно не вспоминать, если я всем пошла в него?

Иногда мне кажется, мама меня за это ненавидит. И любит тоже за это. И ателье оставляет... Королева Клотильда еще сто лет назад дала ригонцам право завещать свое имущество, кому они сами пожелают. Но по старым вайнским законам наследует всегда старший ребенок. И мамино желание передать ателье мне одной – тоже дань отцовской памяти...

От печи шло тепло, кровать манила пуховой периной, но в крови уже играло предвкушение, гоня прочь дневную усталость. Я распустила волосы, открыла задвижки на балконной двери и как была в туфельках на тонкой подошве, в батистовой рубашке, корсаже и юбке шагнула в снежок, который намело за день.

Ума не приложу, откуда там знают, когда я готова, но передо мной тотчас завихрилась поволока черного дыма. Дыхание Небыли.

Я нырнула в нее, и на долю мгновения меня не стало.

Затем подушечки лап обожгло холодом. Студеный ветер взъерошил шерсть на боку, швырнул в нос пригоршню снежинок. Пол балкона сделался ближе, перила выше, но все казалось правильным и естественным, словно я никогда не носила иного тела, кроме кошачьего.

Дальше – просто. Проскользнуть между столбиками перил на скат крыши, пройти по слежавшемуся снегу до угла. Мои лапы так легки, что не оставляют следов! Перескочить на сук осины, вонзив когти в окаменевшее на морозе дерево, с ветки на ветку перебраться на соседский забор, потом на крышу сарая...

Своего человеческого тела я не ощущала, но между нами сохранялась неосязаемая связь. Я просто знала, что оно где-то там, в Небыли – ждет меня и вернется таким, каким ушло, с корсажем, туфлями и всем остальным, стоит только захотеть.

Под лапами скользили то лед, то мерзлая черепица, то кровельное железо, стылое, как чертоги самой богини зимы, но я без труда держала равновесие.

Звезды прятались за облачной дымкой, город глядел в ночь глазами окон, и белое мерцание снегов озаряло мне путь.

Прыжок на крышу собачьей будки. Старик Буян сонно брехнул, звякнул цепью и затих. Бедняга. Даже в такую стужу его оставили на улице.

Потерпи, Буян, скоро Ночь Всех Богов, после нее день станет прибывать и солнце повернет на весну.

Заглянуть, что ли, в окошко к Фрине, подружке Майры?

Фрина вертелась перед зеркалом в одних панталонах. То распускала по спине длинные волосы, то поднимала кверху, изображая замысловатую прическу. Принимала зазывные позы, виляя бедрами и покачивая на ладонях маленькие груди.

Вдруг сказала своему отражению:

– А посватался-то к Грете.

Отражение отозвалось горестным «эх».

Вот и Майра все вздыхает. Мол, отнять бы у меня да ей прибавить...

Девушки завидуют грудастым и задастым – простите за грубый слог, – потому что на таких смотрят мужчины. Так вот, девушки, не завидуйте! Смотрят пошлецы и нахалы. Проходу не дают, а по городу потом сплетни. Приличные господа с тонким вкусом выбирают барышень, которых можно сравнить с тростинкой, лозой, ивовым прутиком или лучом света.

Когда я кошка, я именно такая! Изящная, грациозная, лапы у меня длинные, шерстка короткая, гладкая, чернее ночи, а блестит, как самый дорогой атлас.

И чувства разом обостряются. Нос чует свечной чад в комнате Фрины, запах мясных пирогов с кухни вдовы Татсон и вонь застывших помоев через три двора. Уши слышат, как в доме напротив шепчутся молодожены Бранд и Труда Ринтор – кровать у них стоит близко к окну. Как ворчат во сне Фин и Фан, карликовые мамонты господина Лердсона. Мамки, если по-простому.

В Свеянске мало кто держит мамонтов: едят без меры, летний зной переносят плохо. Но для нынешней зимы лучшей тягловой силы и вообразить нельзя. Лошади замерзают, тонут в снегу, а мамкам хоть бы что.

Ой, Бранд и Труда бросили шептаться!.. Все, пойду, не буду подглядывать. Да там и не видно ничего – стекло замерзло до самой рамы...

Мне было весело. И мама хочет, чтобы я променяла все это на сомнительную честь называться госпожой Стир?!

Женщину уважают, когда у нее есть муж или когда у нее есть капитал. Перед лаковыми санками Брюны Торнеке весь город шапки ломает, а госпожа Торнеке никогда не была замужем. Зато отец оставил ей серебряный рудник, и заводики, и лавки, и суда.

Ателье Гудрун Эльс миллионов не приносит, но кормит нас, поит, одевает и какой-никакой вес в обществе дает. А мы с Майрой позаботимся, чтобы так было и дальше – половину я ей, само собой, уступлю.

Так кто там к Грете посватался?..

Это ведь Грета Фроссен? Та, что училась с Майрой и Фриной в гимназии. Помню, они еще спорили, кто раньше замуж выйдет.

У Фроссенов не спали. Окно маленькой гостиной выходило на подветренную сторону, мороз почти не тронул стекло, и вся комната была как на ладони. А голоса я различила еще до того, как взобралась на занесенную снегом бочку у бревенчатой стены.

Отец Греты, которого все звали папашей Фроссеном, сидел боком к камину; огонь озарял рубленый профиль и всклокоченную бороду. Мамаша Фроссен, женщина полная, с густыми черными бровями, вязала полосатый носок. Сама Грета, одетая в домашний капот¹, металась из угла в угол.

– Ах, я не знаю! – ее глаза, темные, как у матери, лихорадочно блестели. – Ходил вроде, ходил, и ничего такого. А тут вдруг... Страшно мне. Нет, я счастлива! Но замуж – это же как в колодец...

– И-и, – отозвалась мамаша Фроссен. – Страшно в девках остаться.

– Нет, погоди, – папаша Фроссен ухмыльнулся в рыжую бороду. – Если дочь сомневается, может, откажем ему, счетоводу этому? Кого получше подождем. А то у парня ни марки за душой, одна смазливая мордашка...

– А обхождение! – возмутилась Грета. – Обхождение дорогого стоит!

Все ясно. Ларс Кальвер, счетовод из магазина мужского платья «Кале и сыновья». Весь последний год вился вокруг Фрины, Майры и их подруг. А выбор остановил на Грете, единственной наследнице скобяной лавки папаша Фроссена.

Разговор между тем перетек на вопросы практические. Где свадьбу гулять, кого звать, что надеть...

Я мерзла под окном Фроссенов, пока они не разошлись по спальням, хотя заказ был, считай, у нас в кармане. Утречком моя сестрица забежит невзначай проведать старую подругу, Грета не вытерпит, похвалится, и Майра в два счета добьется от старших Фроссенов задатка.

Мама потому и терпит мои прогулки в кошачьем обличье, что я не просто развлекаюсь, а разведку веду. Отчего, спросите, мы преуспеваем? Нет, платья у нас хороши, но в других ателье тоже не мух считают...

Ох, не могу больше, коченею!

Соскок с переворотом, три прыжка, пробежка по расчищенной дорожке во всю прыть – вот и согрелась.

Села на столбе у ворот.

---

¹ Домашнее женское платье, разновидность домашнего халата, пеньюара, XIX век.

Кругом стояла темень, только снег мягко серебрился под луной. Дома утопали в сугробах по ставни, а где и по стрехи. Под звон бубенцов и свист полозьев по улице промчались сани, запряженные парой гнедых, их морды были в инее, дыхание туманом клубилось в воздухе. Извозчик сидел на передке, укутавшись в косматую шубу, будто медведь. Лаяли собаки. Хрустел снег под ногами поздних прохожих.

Мужчина в мохнатой шапке свернул к ресторации Вардхуза. Ее окна сияли ярче всех, а дым над трубами был таким плотным, что хоть на куски режь. Там сейчас самый разгул. Песни, гам, румяные пироги, а главное – жарко натопленные печи.

Все, хочу домой, в тепло! Дворами-крышами петлять не стану. Сверну к усадьбе Снульва, а потом...

Тут-то до меня и дошло.

Чайный король Снульв уже год как перебрался в столицу, и с тех пор его каменный особняк пустовал. А теперь там остановился мерзкий кавалер Льет с дочкой Агдой.

Надо взглянуть, какова эта семейка дома, когда рядом нет чужих глаз. Надеюсь, они еще не легли.

Я ощутила прилив азарта, даже мороз перестал казаться таким жгучим.

Глава 2, в которой любопытство сгубило кошку

Эй! Нас, часом, не надули?

Ставни со стороны улицы были наглухо закрыты, крыльцо утопало в сугробах, ни одна из восьми труб на крыше не дымила.

Потом я заметила, что к калитке и дальше, к парадному входу, протоптана тропинка, снег со ступеней сметен.

Жаль, двор почистить никто не удосужился. Пришлось передвигаться прыжками, каждый раз проваливаясь с головой. В ушах снег, в глазах снег, все лицо в снегу!.. Снаружи я кошка, но внутри человек, так что прошу извинить – у меня лицо, а не морда.

Вон и свет в окне.

Деревьев близко к дому не нашлось, зато у летней веранды вырос высоченный сугроб, снег хорошо слежался и без труда выдержал мой кошачий вес.

Второй этаж дома опоясывал каменный карниз, украшенный фигурками крылатых человечков – духов природы. Карниз был достаточно широк для моих лап, но весь облеплен снегом и льдом. Чуть когти не сорвала, пока подобралась к окну.

А еще назад идти. Не представляю, как я тут развернусь.

И с окном не повезло: иней на стекле вырос плотный, с наледью. Только у самой рамы оставалась неровная шелка. К ней я и приникла глазом.

Видно было немногое.

Просторная, ярко освещенная комната, богатая обстановка. Веерообразная стойка магического телогрея. Край дивана с полосатой обивкой. На диване – ножки в пуховых носках, прикрытые бархатным подолом...

Я встала передними лапами на нижнюю перекладину оконной рамы и придвинулась ближе.

Барышня Агда в бардовом капоте полулежала, опершись локтем о валик.

На грудь ей падала полураспушенная коса, являя всю роскошь волос, тонкие пушистые завитки обрамляли нежный овал лица с изящным носиком и пухлыми малиновыми губами.

Майра права, тут есть чему позавидовать. Даже любопытно стало, какому счастливцу Льет отдает всю эту красоту и куда торопится. Ей же не больше восемнадцати.

На столике у дивана стояла перламутровая коробочка. Агда напевала мотив какой-нибудь модной песенки, и коробочка повторяла его на разные птичьи голоса. То соловьем залется, то канарейкой, то дроздом...

Нет, не только птичьи!

В ответ на хрустальное «ла-ла-ла» Агды коробочка сперва бодро затывкала, потом размяукалась, как голодный кот.

– Хватит играть, – просипел Льет.

Он восседал в глубине комнаты, закинув ногу на ногу. Под черным, с серебром, шлафроком – свободные штаны и рубаха с распахнутым воротом.

Что же вы так далеко от окна расположились, благородный кавалер? Вас еле слышно.

– Пускай играет, – прозвучал низкий скрипучий голос, мужской или женский, непонятно. – Когда... гра... а... не... мо...

«Когда играть, как не в молодости?»

Выше шелка расширялась. Я приподнялась на задних лапах и уткнулась носом в ледяное стекло, силясь рассмотреть: кто там такой?..

Надо же, старуха – и престранная!

Она сидела в дальнем кресле, полускрытая боковиной высокой изогнутой спинки. Строгое темное платье, как у нашей классной дамы, на плечах толстый пуховый платок, какие носят крестьянки в деревнях, на голове узорчатая шапочка-колпак с коротеньким шпилем – точь-в-точь ланнский рыцарский шлем. По ободу шапочки пришиты кругляшки, не иначе старые монеты. В таких колпаках с монетками красуются на ярмарках дазские шаманки.

– Так сколько, говоришь, за платье просят?

Она подалась вперед, повернула к Льету голову, и стало видно, что и лицо у нее дазское – плоское, цвета темной бронзы, с маленькими глазками и мелкими угловатыми чертами.

Говорят, дазы в родстве с нашими гобрами. Только гобры сидят в своих снежных домах на далеком севере в обнимку с тюленями и в чужие дела не лезут.

– Тысячу восемьсот, – ответил Льет.

Верно, так мама ему и сказала. Пятьсот – задаток будет.

– Недешево, – старуха пожевала сухим ртом.

– У Кольдихи бы меньше пяти не стало! – барышня Агда оторвалась от своей забавы.

Я не сразу сообразила, что Кольдиха – это Вендела Кольд, самая знаменитая модистка Альготы. И самая дорогая. У нее одевались первые аристократки Ригонии и сама королева-бабушка.

– Может, и больше, – кивнула старуха. – А все равно шить надо у нее.

– Чего это? – буркнул Льет. – Мне деньги не лишние.

– А того! – старуха хлопнула ладонью по деревянному подлокотнику. Хлопок вышел со стуком – все ее пальцы, включая большой и указательный, были унизаны кольцами. Непохоже, что золотыми или серебряными, а какими, рассмотреть не удалось. – Тут не в деньгах дело, а в престиже. Чтоб все знали: Эмкино платье сшито у королевской портнихи!

«Не портнихи, а модистки», – мысленно возмутилась я, ежась под леденящим ветром. Портнихи просто шьют, а модистки придумывают и украшают. И только в следующий миг сообразила: «Эмкино платье»? Может, я ослышалась?..

– Но мне это нравится, матушка Гиннаш! – надулась Агда. – Другое не хочу!

– Молчи, Эмка, – одернул ее отец. – Матушка дело говорит.

И столько уважения прозвучало в этом «матушка», что я своим кошачьим ушам не поверила: чтобы самодовольный кавалер чтит кого-то, кроме себя, да не просто кого-то, а дазку, похожую на ведьму из страшных сказок!..

Когда ланны пришли в Ригонию, вслед за ними пришли дазы, как шакалы приходят за волками. Ланнов прогнали, а дазы живут себе не тужат. Торгуют, воруют, практикуют темную волшбу. Раньше дазов даже в города не пускали, они селились в слободках за воротами. А правили у них женщины-шаманки – когда через жожаков-мужчин, а когда и напрямую.

И это единственное, что мне в дазах нравилось.

При королеве Клотильде Ригония расцвела – сколько мудрых законов было принято, сколько нужных реформ проведено! Магию стихий поставили на службу стране. Ни один король столько не сделал. Молодой Альрик прославился пока лишь тем, что принял силу дождя, чтобы не угасла вместе с родом Регенскур, присовокупив ее к собственной силе. И неизвестно, хорошо это или плохо. Говорят, таких морозов, как нынче, не бывало уже полвека. Вдруг одно с другим связано?

А я, между прочим, сейчас превращусь в ледяную кошку...

Но от следующих слов загадочной матушки Гиннаш меня кинуло в жар.

– Нравится, так и славно, – старуха улыбнулась. – Фасон зарисуй, Кольдихе покажешь, она такое же сделает.

– Но я не запомнила! Там сложно...

– Тю! Пойдешь завтра на примерку, все рассмотришь как следует, пощупаешь, а потом скажешь, что тебе разонравилось. А ты, – обратилась старуха к Льету, – дашь им сотню

за труды, пусть радуются. С таким женихом негоже у всякой деревенщины свадебный убор шить...

Я чуть с карниза не свалилась от возмущения. У деревенщины?! Да у нас баронессы платья заказывали! Два раза. И маркиза один раз... чуть не заказала.

– С таким женихом разориться недолго, – насупился Льет.

– Это верно, – согласилась старуха. – Мог бы раскошелиться на платьице-то, сделать невесте подарок. Хоть бы в гости пригласил приличия ради. Ты ж ему весточку послал?

– А как же! Загодя, – кавалер фыркнул. – Едем, мол. Везем будущую супружницу вашу к Свену и Свяне за благословением... Эмка, ты чего?

Барышня, как бы ее ни звали на самом деле, села столбиком и слушала их разговор, бледнее снега за окном, а потом вдруг заревела в полный голос. Коробочка-игрушка отозвалась поросычьим визгом.

За этим переполохом было не слышно, что говорят кавалер (если он кавалер, конечно) и таинственная матушка. Вернее, не говорят, а кричат. Когда старуха несильно шлепнула барышню по щеке и та умолкла от неожиданности, голос Льета прогремел, как пушечный залп:

– Не реви, дура! Все к лучшему!

Барышня всхлипнула:

– Куда же к лучшему? Он меня больше не любит!

– С чего ты взяла?

– Любил бы, не отдал этому...

Она опять заплакала. Коробочка, как видно, откликнулась только на ее голос, и сейчас разразилась громким кудахтаньем.

Старуха пересела на диван, обняла барышню и, склонившись к самому ее уху, принялась уговаривать. До меня долетали обрывки слов и фраз:

– Кто ты сейчас? Никто! А будешь...

– ...он должен жениться, сама знаешь...

– ...ничего не значит...

– Но он будет с другой! – барышня заливалась слезами, коробочка квакала лягушкой.

– ...одну ночь... ничего, переживешь...

– ...снадобье... сразу понесет...

– ...а будешь замужем...

– Но я не хочу, чтобы меня касался другой! Я этого не вынесу! – под свиное уханье барышня заломила руки.

– ...и не надо... сварю такое... лишит мужской силы...

Ого, да тут целый заговор!

– Правда? Так можно? – опухшее от слез личико просветлело, но сейчас же опять сморщилось. – Она родит ему сына, и он полюбит ее...

– Не родит! – старуха повысила голос. – А если родит, то девочку, уж я позабочусь. Нашла о чем печалиться.

– Я отдала ему все, – пискнула барышня, шмыгая носом. – Он обещал любить меня вечно...

Зловредная коробочка закричала болотной выпью. Так громко и жутко, что я невольно подпрыгнула и заскользила на карнизе, цепляясь за что придется. Сквозь стекло долетел старухин ответ:

– Он и будет любить тебя вечно, не будь я лучшая в Кайлане ворожея и травница!

– Цыц, вы обе! – гаркнул мужской голос.

Я прильнула к щелке.

Свяна, защити!..

Льет, грозный, как палач, шел к окну с ножом в руке и смотрел, казалось, прямо на меня. Неужели услышал, как я тут барахтаюсь и скрежещу когтями? Или глаз в щелке заметил?

Все, не гляжу! Нет меня. Вам почудилось, благородный кавалер.

Шаги приблизились и замерли.

– Кошка! – прогремело над головой.

Верно, благородный кавалер. Просто бродячая кошка, которая жметя к человеческому жилью. Вы же не станете вскрывать тройную раму, чтобы подпортить шкурку безобидному животному?

И как он умудрился разглядеть черную кошку в черной ночи сквозь толстый слой изморози...

Мгновение томительной тишины, и шаги стали удаляться.

Я отважилась снова заглянуть в комнату.

Льет стоял спиной. А старуха...

Она сложила пальцы щепотью, поднесла ко рту и дунула. Клянусь, в руке у нее ничего не было! Но в воздух сорвалась черная взвесь и тончайшей струйкой потекла к окну.

Я невольно пригнула голову.

Тяжелая рама содрогнулась, сверху посыпалось крошево мерзлого снега.

Не помня себя, я сиганула прямо со второго этажа в самый большой сугроб. Меня завалило, но я подпрыгнула – кузнечик, а не кошка! – и понеслась вскачь, не жалея лап.

Не помню, когда в последний раз так быстро бегала и с такой скоростью взбиралась на балкон своего мезонина.

Тут бы выдохнуть и расслабиться. Однако все пошло наперекосяк.

Я оборачивалась с шести лет, и у меня всегда – всегда! – получалось. С первого раза. Без заминок и осечек.

А сейчас – нет.

Небыль отказалась явить себя. Не приняла, не впустила, не откликнулась на зов. Не отдала мне меня – рослую белокурую девушку в свадебном костюме крестьянки из северных областей Ригонии.

Я даже в дом попасть не могла. Не лапой же за ручку братьяся!

Спасло то, что дверь открывалась вовнутрь. Я налегла изо всех сил – уперлась передними лапами, лбом и ввалилась в хорошо протопленную комнату.

Уже потом, прильнув к изразцовой стенке и впитывая, впитывая всем существом восхитительное тепло, я вдруг подумала, что черная пыль, слетевшая с пальцев старухи, была подозрительно похожа на Дыхание Небыли, в которой осталось заперто мое человеческое тело.

Полночи я силилась добраться до нее, движимая то страхом, то злостью, то отчаянием, снова и снова – пока не выдохлась. Свернулась под одеялом и даже заплакать не смогла. У кошек не бывает слез.

Разбудил меня громкий стук и голос Майры:

– Карин, ты спишь? – дверь дернули. – Ты чего заперлась? Вставай! У нас работы полно!

В глубине души я надеялась, что усну кошкой, а проснусь человеком и окажется, что вчерашнее мне пригрезилось. Но нет. Хвост, усы и шерсть никуда не делись. Или меня слишком рано вырвали из мира снов? Не зря же голова пуд весит, а глаза не открываются. Может, стоит вернуться в уютное забытье и подождать?..

– Карин! – Майра продолжала колотить в дверь. – Что за шутки?

Ох, вдруг ей надоест, и она уйдет?!

Я вылетела из-под одеяла, как укушенная, и во все горло завопила:

– Мия-а-а-а-у-у!

– С ума сошла! – взвилась Майра.

За окном светало, а у нас давно условлено, что обращаюсь я только в темное время. Соседи думают, у Эльсов живет кошка Ночка, которая гуляет под луной, а днем отсыпается за печью.

– Прекращай балаган! Мама с тебя шкуру спустит!

Я кричала и скреблась в дверь изо всех сил, наплевав на саднящие когти и ободранные подушечки лап, и Майра наконец сообразила:

– Ты что, не можешь стать человеком? Свяна милостивая!.. Подожди, сейчас маму позову!

Мама сперва долго бранила меня срывающимся голосом, потом хотела ломать дверь – заперто-то изнутри на задвижку. Но Майра спросила, не смогу ли я выйти, как вошла, через балкон («Мяукни, если да!»), и побежала отпирать заднюю дверь.

Дальше – каменный пол кухни вместо листа бумаги, печная зола вместо карандаша... Я давно забыла, как в детстве училась писать и как трудно рука привыкала выводить верные палочки и закорючки. Кошачья лапа для этого приспособлена еще хуже. Но с восьмой, кажется, попытки мне удалось изобразить что-то похожее на «Льет».

– Кавалер Льет?! – у мамы кровь отлила от щек. – Он знает, что ты оборотень?

Он, может, и нет. А вот старуха...

«Ведьма при нем» – кое-как накалякала я.

– Что за ведьма? Агда? Нет, не Агда! Конечно, нет... – мама никак не могла справиться с паникой. – Она... знает, кто ты?

Я покачала головой. Хотя поди ее разбери, эту дазскую ворожею. Вдруг она умеет заглядывать в Небыль и видела там мое человеческое тело?

Хотелось верить, что мама сообразит, как его вернуть. Она была оборотнем на десять лет дольше меня. Может, бабушка ей что-нибудь рассказывала.

Но мама понуро опустилась на табурет у печи. Трещали дрова, за решеткой заслонки жарко краснели угли, по полутемной кухне, не успевшей толком прогреться, плыл запах сосновой смолы. А мама сжимала руки и шепотом перебирала имена богов, словно не могла решить, к кому воззвать.

– Льеты скоро придут, – напомнила Майра.

Мама вскочила с явным облегчением.

– Карин! Жди здесь. Нам надо подготовиться. Платье из зала вчера так и не убрали!

Я кинулась ей под ноги, вынуждая остановиться. Потом сунула лапу в совок с золой и торопливо написала слово «Обман».

Объяснять, что задумали наши несостоявшиеся заказчики, пришлось долго.

Майра задохнулась от негодования, у мамы гневно засверкали глаза. Куда подевались вялость и безволие!

– Так! Давай-ка спрячем платье. Скажем, вчера после них приходили, купили готовое за пять... нет, шесть тысяч марок! Не обессудьте, благородные господа, задатка вы не оставили, мы вам ничем не обязаны.

– Мама, – Майра нерешительно тронула ее за рукав. – Может, лучше сторгуемся? Отдадим им платье, пусть расколдуют Карин.

Мама повернула к ней голову – резко, как хищная птица:

– Только не вздумай первой предлагать! Если это их рук дело, если они знают, то сами заведут разговор. А если нет... Ты представляешь, что будет, если станет известно, что мы укрываем оборотня?

Меня сдадут жандармам, вызовут секача... или станут использовать в грязных делишках. Говорят, такое бывает: обратной принуждают шпионить для короны, если раньше не приберут к рукам богатые интриганы или бандитские главари.

Ателье госпожи Эльс в любом случае рискует потерять клиентов.

И все же...

– Карин, из кухни ни ногой, – мама послала мне испепеляющий взгляд. – Услышишь, что идет чужой – прячься! Майра, покорми ее и быстро в зал. Посмотрим, что скажут Льеты.

Мы с Майрой попили чаю – она из чашки, я из блюда – и съели по куску вчерашнего пирога с рыбой; в куске Майры было больше теста, в моем – рыбы.

В печи мы не готовили: для этого у нас имелась чугунная плита фирмы «Гентер». Дров она ела мало, нагревалась быстро. А печь топили для тепла. Когда Майра убежала маме на помощь, я забралась в устье и устроилась лицом к двери. Кухню от приемного зала отделяли мастерская и два коридора, но, когда придут Льеты, я услышу. И если мама не заговорит с ними обо мне, сама явлюсь в зал!

За окном становилось все светлее, время шло, а наши коварные заказчики не спешили.

Может, старуха уговорила Агду-Эмку плюнуть на фасон и довериться вкусу госпожи Кольд? Может, они сейчас грузятся в сани, чтобы укатить в сторону столицы... Тревожные мысли так и роились в голове. Но камень подо мной прогрелся, глаза после тяжелой ночи закрывались, и пирог в животе нашептывал, что стоит немного вздремнуть. Я незаметно соскользнула в полусон и там, в белой мути, куда-то бежала, карабкалась, искала что-то...

Тренькнул еле слышно наддверный колокольчик, раздались голоса. Я соскочила на пол – и остановилась. Кухонная дверь, которую Майра оставила нараспашку, оказалась затворена. Открывалась она наружу, и я пару раз толкнулась – дверь вздрогнула, но не поддавалась. Выход во двор был заперт на защелку. Ее и человеку не сдвинуть без усилия, куда там кошке.

Я не находила себе места, прислушиваясь к далеким голосам – слов было не разобрать.

Раз показалось, что разговор пошел на повышенных тонах, и меня пробрал озноб, как от лютого мороза. Мама же не знает, что с замужеством Агды-Эмки связана какая-то интрига. Я забыла рассказать. Обо всем забыла! Да и не приняла всерьез те обрывки фраз. Но Льетам неизвестно, много ли я слышала и сколько из услышанного поняла. Если старуха отрезала меня от Небыли, чтобы сохранить втайне их с кавалером козни... мама и Майра в опасности!

Голоса смолкли, стало тихо. Лишь изредка доносились – или чудились? – невнятные стуки, скрипы, шорохи.

В мастерской пробили часы.

Почему никто не идет? Вдруг с мамой и Майрой что-то случилось?..

Я поймала себя на том, что рву когтями обивку старого кресла в углу. Да что кресло? Еще полчаса, и я хвост себе грызть начну!

Отчетливо хлопнула входная дверь, спустя некоторое время – еще раз. И опять ни звука.

Лишь когда скупое зимнее солнце добралось до кухонных окон, а случилось это хорошо за полдень, в коридоре раздались шаги.

Майра! Они с мамой ходят по-разному.

Сестра шелкнула запором и проскользнула внутрь. Ей очень шло клетчатое платье с белым воротничком. Небось, к Орму бегала – вон как покраснелась. А он ее булочками угостил. Я чуяла запах сдобы.

– Карин, ты здесь?

Куда же я денусь?!

Майра присела передо мной на корточки.

– Слушай, мама говорит, тебе все привиделось. Не бывает такого колдовства. Это дар твой подвел. И раз такое случилось, власть над ним уже не вернешь. В общем, она договорилась с Брунном, он повез ее в Снею, сама понимаешь зачем. За кем. Клянется, что другого способа нет. Надо уничтожить твою звериную половину, пока связь с телом еще крепка. Чем дольше, тем трудней будет его вытащить, сама знаешь.

Я знала. Первый урок, который преподала мне бабушка: нельзя слишком долго оставаться в зверином обличье, иначе человеческое тело сольется с Небылью и не сможет принять

твой дух. Пара недель, самое большое месяц – и Карин Эльс навсегда останется изящной красоткой с усами и хвостом.

Майра вдруг наклонилась и почесала меня за ухом.

Я стукнула ее по руке мягкой лапой.

– Брось, – фыркнула сестра. – Все кошки это любят.

Еле удержалась, чтобы не выпустить когти.

Я не кошка! То есть сейчас кошка, и люблю быть кошкой, но все равно я человек.

– Тебе, может, во двор надо? – осведомилась Майра, с беспокойством оглядывая кухню. –

А то сидишь тут весь день...

Она боится, что я сделаю лужу под столом?!

Ладно, мне в самом деле надо в кусты. И глоток воздуха не повредит.

– Я ей говорю, не спеши, – продолжала Майра, отпирая защелки на двери. – Есть же другие храмы, другие боги. Поспрашивай. Вдруг их служители помогут. Даже Свен и Свяна не только любовью заправляют. Тайны сердца, выбор, предназначение, истинный путь и такое прочее. Может, это то, что надо? Или напишем Вере, пусть спросит этого своего...

Я подняла голову, пытаюсь заглянуть Майре в глаза, и она замолчала.

– Ну да, Керст далеко. Пока туда, пока обратно...

Морозный воздух бодрит, сугробы искрились на солнце. Утоптанная дорожка, бегущая от заднего крыльца, казалась такой чистой, такой манящей.

Знаю, мама желает мне добра – как его понимает. Но зачем спешить? Зачем вот так тишком, подло? Почему она хотя бы не зашла ко мне? Боялась, что после этого духу не хватит?

Майра стояла в дверях, кутаясь в темную шаль, и выжидательно глядела на меня.

Выбор, говоришь?..

В три прыжка я взвилась на забор и перескочила на крышу соседского сарая.

– Ночка! – летел мне вслед звенящий голос сестры. – Куда ты, дурочка? Уши отморозишь!

Даже перед статуей Дакха-правдовидца я не смогу сказать, что она нарочно дала мне улизнуть.

Выпустила по нужде – и только. По большой нужде. По делу жизни и смерти.

Глава 3, *в которой я достучалась до небес*

Рауд сбежал на мощеную площадку перед главным входом Даниш-хуза. На каменной поверхности не было ни снега, ни наледи, словно по ней с метлами и щетками прошелся отряд усердных дворников. Но дальше их рвение иссякло: в начале дорожек, исчезающих в глубине сада, уже виднелись снежные разводы.

Через десяток шагов разводы сменились наносами, которые росли, пока не сомкнулись в сплошное белое поле с протоптанными кое-где тропинками. В фонтане тоже лежал сугроб.

«Уеду, и совсем заметет», – подумал Рауд. Но досада исчезла, не успев лечь камнем на сердце. Уж больно хорош был день. Небо синело густой морозной синевой, сад искрился под солнцем. Казалось, каждая снежинка хвастает перед другими блеском ажурного платьяца.

Из аллеи показался старый Фролли. Голые липы зябли в обносках последнего снегопада, и такой же сиротской, куцей была беличья шубейка управляющего, вытертая на боках и рукавах.

Фролли беззвучно шевелил губами, то и дело замирая на месте, будто в раздумье.

Увидел Рауда и заспешил.

– Ох, господин! – казалось, ноги в развалистых овечьих сапожках не успевают за хозяином. – Что же вы нараспашку? Замерзнете!

– Не замерзну, – Рауд криво усмехнулся.

Забавно. Кроме легкого полушубка из нерпы, который он накинул, выходя на прогулку, и парадной волчьей дохи, зимней одежды у него не было. Даже шапки – ни одной.

– А ты что опять в рванье, как бродяга?

– Зря вы так, господин, – обиделся Фролли, поглаживая облезлую полу. – Хорошая шуба, удобная. А та, новая, больно велика, не повернуться в ней. И дышать тяжело...

Рауд помнил Фролли Фокеля седым, морщинистым, но с цепким умом, в котором умещались все хозяйственные цифры. «Не человек, а гроссбух», – любил шутить отец.

– Вы бы пожили еще, господин, – ворчал старик, болезненно шуря глаза и шмыгая носом. – А то наезжаете как в гости. Опять же, завтра снег, сами говорили.

– Снега я не боюсь.

– Не боитесь... Понятно, что не боитесь. А все равно – куда спешить? Кто вас там ждет?

– Ты знаешь кто, – проронил Рауд.

– Ох! Конечно... Тогда – конечно.

Старик закивал так истоиво, что шапка-треух съехала ему на лоб, и голова, видно, закружилась – бедняга чуть не упал. Пришлось поддержать.

– Раз зовет, надо ехать, – бормотал Фролли. – Понял, что не прав был, нужны вы ему, без вас никак. Теперь все образуется, все будет, как раньше. Глядишь, и госпожа вернется, и молодой господин...

Рауд промолчал.

Он бы с радостью остался в Даниш-хузе еще на неделю. Но выезжать следовало завтра – иначе он не успеет перехватить принцессу в Лейре.

– Папа!

Вильда, статная, красивая еще женщина, подошла скорым шагом и сунула Фролли трость.

– Простите, господин, – она коротко поклонилась Рауду. – Папа, идем.

Муж и старшие дети Вильды служили при усадьбе, сама она числилась в доме кастеляншей, но давно управляла всем поместьем вместо отца, и Рауд платил ей как должно. Даниш-хуз невелик, удален от столицы, дела здесь решались по-семейному.

Фролли не дал себя увести.

– На перекладных поедете, господин? – Старый управляющий искренне верил, что до сих пор распоряжается в Даниш-хузе. – Послать на станцию, чтобы вам придержали хороших лошадей?

– Не нужно. Поеду по зимнику, на своих. Иначе придется расчищать дорогу всем подряд. Рауд поморщился, давая понять, что разговор ему неприятен.

Но старик не отставал:

– Так, может, мамок запрячь?

– Зачем? У меня один сундук.

– Негоже это, – Фролли сокрушенно вздохнул. – Отец ваш, бывало, по зимнему времени одних шуб с собой возил не меньше дюжины. Не от холода, само собой... для поддержания реноме!

Рауд взглянул на Вильду, и та твердо взяла отца под руку.

– Папа, ты не сможешь мне со счетами? Не могу разобраться...

Рауд отвернулся и зашагал по главной аллее. Перед ним вилась легкая поземка, разметая с дорожки заносы. Потом дорожка кончилась, и снег, сминаясь, утаптываясь сам собой, вкусно захрустел под подошвами. Студеный воздух был сладок, как ключевая вода.

Деревья подступили со всех сторон, и сад сделался похож на лес. Рауд улыбнулся двум нахохленным снегирям на ветке. Пух на розовых грудках затрепетал от теплого ветерка. Птицы вытянули шейки, глядя на человека черными бусинками глаз, и уселись вольготнее.

Когда однажды в детстве Рауд сказал приятелю из деревни, что снег теплый, тот посмотрел на него, будто на сумасшедшего.

Давние воспоминания вызвали улыбку, и Рауду захотелось – как тогда – упасть лицом в сугроб и вбирать в себя пушистую свежесть до тех пор, пока кровь не загудит от избытка силы и не почувдится, что он летит над землей, оседлав вьюгу... При всей красоте и роскоши Белого замка, именно здесь, в Даниш-хузе, Рауд был по-настоящему дома.

Он выкарабкался из снежных перин, взмахом руки очистил одежду и рассмеялся.казалось, во рту тает мятный леденец. Мороз пощипывал за нос, за кончики ушей, робко щекотал под распахнутым полушубком, словно не веря: можно? Правда?

«Давай», – мысленно подбодрил его Рауд.

Он затем и пришел сюда в последний день перед отъездом, чтобы почувствовать себя живым – а живые зимой мерзнут...

Но не только за этим.

Деревья расступились, открыв белое поле, по окружности которого торчали из сугробов верхушки увядших камышей. Раньше пруд всегда стоял расчищенным, а лед на нем, гладкий, как зеркало, служил катком.

В Даниш-хузе не было часовни. Но именно тут двадцать лет назад богиня впервые заговорила с Раудом. С тех пор это место стало его личным святилищем.

Он вышел на середину пруда и позвал ее по имени, а потом долго стоял, слушая звонкую морозную тишину.

Богиня не ответила.

Сколько на свете странных зданий, созданных древней магией – а более странного, чем наш храм Свена и Свяны, по-моему, нет. Ни колонн у него, ни куполов, ни барельефов, ни портиков с арками. Даже углов – и тех храму любви и брака не досталось.

Среди снегов и голых деревьев громоздилась исполинская розово-золотая жемчужина в форме боба. Поэты уверяли, что это форма сердца. Но как говорила моя гимназическая учительница ботаники: боб, он и есть боб.

Правда, боб этот был чудесным. Его перламутровая шкурка, в живописных наплывах и морщинах, не выцветала, на ней не оседала пыль, не задерживался снег, не оставалось царапин и сколов. Надписи и рисунки к ней не липли, как и то, что роняют птички с небес.

Окон и дверей у храма тоже не имелось. Вернее, они оставались невидимыми до тех пор, пока их не отворят.

Сейчас на внутреннем изгибе боба зиял проем, в который могли свободно проехать три кареты в ряд. У проема толпился народ, приплясывал от нетерпения жених в распахнутой собачьей шубе.

Звеня бубенцами, подкатила тройка – гривы и хвосты коней заплетены лентами, санный возок обтянут кумачом. Из возка вынули невесту и под руки повели к храму. Лицо ей закрывала вуаль с золотом шитьем, из-под лисьей шубы хвостом тянулся по снегу длинный багряный шлейф. Лепестки роз падали под сафьяновые сапожки, будто капли крови.

Поднялся радостный гвалт, народ повалил в храм. Я соскочила с березы и под прикрытием толпы шмыгнула внутрь, стараясь не попасть гостям под ноги, а служителям храма – на глаза.

За проемом начинался огромный зал, тоже перламутровый, но не розовый, а льди-сто-бледный, в молочных переливах. Текучие очертания стен и потолка напоминали своды карстовой пещеры, откуда на нитях-паутинках свисали кусочки цветного стекла. Свет, наполняющий воздух, заставлял их вспыхивать и переливаться.

Я юркнула в нишу у входа и спряталась за статуей Свяны в алом уборе невесты. Подглядывать за церемонией охоты не было. Будто я свадеб не видела! С закрытыми глазами могу рассказать, что там происходит.

Слева стоят полукругом семь статуй Свяны, справа – семь статуй Свена. У дальней стены висится глыба хрусталя – алтарь, перед алтарем – Венчальный Лабиринт, намеченный дорожками из красного янтаря. Сейчас жених и невеста вступят в него с двух сторон, чтобы сойтись в центре и обменяться браслетами. Дорожки засияют, грянут песнопения...

Так и есть! Женский хор – небесные голоса.

Распорядительница поднимет жезл и коснется хрустальной подвески над алтарем. По залу разольется малиновый звон, и его подхватят, закачавшись, кусочки стекла на нитях. От них полетят разноцветные отсветы – и станут бабочками, которые закружатся над гостями.

Только ко мне не надо... Кыш!

Два года назад на Вериной свадьбе мне на плечо опустилась золотая бабочка. Служительница-ули сказала, что в моей судьбе грядут чудесные перемены. Если это они и есть, то благодарю покорно, больше не надо!

Бабочка пощекотала мне нос сияющим крылышком и порхнула прочь.

Вера – это моя подруга. Самая близкая. Она вышла замуж по большой любви и уехала на западное побережье, в Керст.

Вера знала, что я оборотень, и ни капли не боялась. В детстве мы проказничали на пару: я – кошкой, она – человеком.

Вера писала, что неподалеку от них тоже живет оборотень. Живет, не таясь, угощает соседей домашним вином и знает много занимательных историй. Возможно, ему известно и как вытащить из Небыли запертое там человеческое тело.

Но... могу ли я доверять незнакомцу, если меня предал самый родной человек?..

Мама поздно вышла замуж. Тогда ателье свадебной моды еще не было, а была обычная портняжная мастерская, которая принадлежала сестре бабушкиного покойного мужа. Родовой дом Эльсов в деревне сгорел, и бабушка с мамой перебрались к ней в Свейанск. Спустя неко-

торое время бабушка сошлась с дедом Полканом. А мама осталась. И десять лет работала за кров, еду и теткино обещание отписать ей мастерскую.

Тетка поставила условие: чтобы, пока она жива, мама думать не смела о замужестве и детях. И никаких мужчин!

А потом с севера пришел папа. Из холодной тайги, где потомки вайнов живут по старинному укладу и говорят на языке воинов, покоривших Ригонию пять сотен лет назад...

Легенды гласят, что в незапамятные времена наш полуостров принадлежал «народам моря, солнца и ветра». После них – и это уже не легенды, а история – его делили между собой племена ригов и гобров. Затем из дремучих лесов в центр материка хлынули светлородые гиганты с острыми топорами. Они быстро захватили окрестные страны и готовились напасть на Ригонию с двух сторон. С северо-востока, из только что провозглашенного королевства Вайнор – через узкий перешеек, соединяющий полуостров с остальной Оssidеной. И с юга, через Круглый залив, за которым вожди мелких вайнских племен все еще делили власть и рвали на части покоренные земли.

Власт, король Ригонии, знал, что нашествия не сдержать. А еще он знал, что у короля Вайнора есть младший брат, которого надо поскорее пристроить где-нибудь на царство, пока не вошел в силу и не покусился на место старшего. Власт предложил вайнорскому принцу свою дочь и свой трон, а сам уплыл на остров Сновидцев.

Так Ригония стала первой страной, которую вайны завоевали не мечом и топором, а силой брачных уз. Говорят, именно тогда цвет волос у статуй Свена в нашем храме изменился с черного на золотой, а бесполые лица облагородились мужественными бородами – как у Вайнмара, первого вайнского короля Ригонии.

У мамы в спальне висит папин портрет. Непокорные льняные кудри, глаза цвета летнего моря, лицо, красивое суровой мужской красотой, плечи – не обхватишь и лихая курчавая борода. Настоящий древний воин.

Он пришел в Свеянск с артелью плотников. Увидел маму и остался.

– Ты за него не пойдешь! – кричала тетка на виду у всей улицы.

– Нет, пойду! – кричала мама в ответ.

– Не пойдешь!

– Пойду!

После очередного «Не пойдешь!» тетка вдруг побагровела и схватилась за сердце, а к вечеру умерла от удара. Так мама стала не то чтобы богатой наследницей, но невестой с приданым.

Ветхий теткин дом отец перебрал по бревнышку. Где надо, подновил, где надо, перестроил и достроил, украсил резьбой. Мебель тоже смастерил сам.

Из раннего детства в памяти осталось немного. Знаю точно: у нас была счастливая семья. Помню, как папа с мамой смеялись и дурачились, как мы втроем ходили на ярмарку и гуляли по лесу за городом. Или брали лодку и вместе с малышкой Майрой катались по реке, потом причаливали к берегу в тихом месте и купались вволю.

В одну из таких вылазок и случился мой первый оборот. Я даже не поняла, как стала кошкой, а потом опять человеком. И конечно, испугалась до смерти.

Я же ничего не знала про оборотней! Кроме страшных сказок о том, как они уносят в Небыль непослушных детей, да стишков вроде «Ляжешь спать и не проснешься – злобной тварью обернешься» или «Придет оборотень-кот, твою душу заберет».

Последний стишок – самый обидный. Верин новый знакомец оборачивается бобром, дед Полкан псом был, а похитителем детских душ объявили одного кота!

От деда Полкана я впервые услышала, что северяне суеверны.

Охотник-вайн может схватиться один на один с медведем, но на кладбище ночью не пойдет ни за какие ватрушки и кренделя. И оборотней вайны остерегаются.

А бабушка считала, что папа просто не простил маме обмана. Она же не рассказала до свадьбы, что сама оборотень и дети у них могут оборотнями родиться.

Надеясь вернуть расположение мужа, мама кинулась в храм Дакха и отсекала себя от Небыли. Меня тоже хотела, но бабушка не позволила. «Вырастет, – сказала, – сама решит». Я тогда у них с дедом Полканом три месяца жила.

Потом меня забрали домой. Но ничего уже не было как прежде. Папа не играл со мной, ни разу больше не взял на руки, не обнял ни меня, ни Майру. Они с мамой спали в разных комнатах и все чаще ссорились. Папа стал выпивать, не ночевал дома. Однажды он поехал на станцию – никто не смог сказать зачем – и попал под поезд.

После похорон мама и перестала улыбаться. Я не слышала от нее ни слова упрёка, но долго казалось, что она не может меня простить – ведь это мое непреднамеренное превращение выдало папе ее тайну.

Возможно, она до сих пор меня не простила.

На Свьянск пала ночь. Шесть свадебных церемоний остались позади, вход в храм закрылся, свет в зале потускнел. В стенах отворились туннели, ведущие вглубь жемчужины-боба, и служители-ули разошлись по своим делам. Я наконец выбралась из-за статуи – истомившаяся, голодная и в самом тягостном расположении духа.

Люди не любят оборотней, с этим ничего не поделаешь, а ули Свена и Свьяны те же люди, только в розовых сутанах. Возьмут и вышвырнут на мороз.

Не лучше ли обратиться напрямую к богам?..

Стеклышки над головой тихо мерцали, статуи Свена и Свьяны стояли друг против друга безмолвным караулом. Фигуры богов были вырезаны и расписаны так искусно, что ничего не стоило принять их за живых – если бы не одинаково совершенные черты и одинаковое отрешенно-благостное выражение на лицах. Фигуры щеголяли богатыми нарядами из дорогих тканей. Помню, как мама сокрушалась, что храмовый заказ отдали в Альготу, а не своим, свьянским, мастерам.

Семь пар статуй – семь цветов, каждый обозначает фазу идеальной супружеской жизни. Красный – страсть, желтый – познание, зеленый – продолжение в детях, голубой – обретение, синий – единение, аметистовый – гармония, белый – смерть.

Я обошла все статуи Свьяны, все статуи Свена, каждой заглянула в нарисованные глаза и каждую мысленно попросила о помощи, даже фигуры в белых саванах.

Глупо, знаю. Но когда прижмет, и булыжнику придорожному поклонисься, и коряге болотной.

Осмотрела ледяную глыбу алтаря. С обратной его стороны обнаружилась тонкая золотая надпись: «Бог один, но много их, свой лик для каждого дня. Ныне узрите вы лик любви, ныне узрите меня». Наверное, в этом был какой-то особый смысл, однако разгадывать философские загадки мне сейчас совсем не хотелось.

Зашелестели тихие шаги – справа, слева, со всех сторон. Это вышли в зал служки с метелками – прибрать за гостями. Талая вода и грязь с сапог улетучились сами. Однако россыпи цветочных лепестков и прочий мелкий сор храм поглотить не мог. Я видела на полу пару конфетных фантиков, клочок газетного листа, раздавленный огрызок моченого яблока, сгустки жевательного табака и карамельной тянучки, а в одном месте под скамейкой – надкушенный обрезок копченой колбаски. До того ароматный, что голова закружилась.

Обычная кошка на моем месте слопала бы за милую душу и сказала: «Еще подайте!» Но я с пола не ем, из чужого рта – тем более. Не настолько еще оголодала...

За служками смотрела невысокая полноватая ули в розовой сутане. Погребальный саван седьмой статуи Свена, за которой мышью сидела я, с одного бока был задран – кто-то, видно,

хотел узнать, что у бога под одеждами. Ули заметила беспорядок и подошла. Маленькие нагруженные руки заботливо оправили край подола из белого глазета с серебряными узорами.

– Может, эти руки и кошку не обидят?

– Мр-рм, – я вышла из-за статуи.

– Киса! – ахнула служительница. – Ты как здесь? Погреться захотела? Шерстка-то коротенькая.

Лицо у нее было круглое, улыбка мягкая, ладони ласковые.

Пришлось дать себя погладить. В горле родилось урчание, и я не стала его сдерживать. Даже потерлась о розовую сутану. Спасибо, Майра не видела – потом бы от насмешек спасу не было. Но как еще кошка может показать свои добрые намерения?

– Голодная? – деловито осведомилась ули. – Мяса нет. Могу предложить только кашу.

Да! Да! Каша – это чудесно. Хочу каши!

– Ох, как разволновалась! – засмеялась служительница. – Как будто понимаешь по-человечески.

Низкие округлые туннели, по которым она меня вела, казались проточенными водой, а не созданными руками человека. Может, храм и правда построен мифическим народом моря?

От нас до Круглого залива на юге – семьдесят миль, до Долгого залива на северо-востоке – почти сто. Не так и много. Когда-то в районе Свеянска проходила граница приморского королевства ланнов, которое просуществовало двадцать лет, прежде чем вайны сбросили новых захватчиков в море.

Хорошо, что войны не разрушили чудесный боб. Он был, словно живой. Коридоры исчезали и появлялись, прорезаясь в теле храма прямо перед нами. «Свяна, Свен! – мысленно обратилась я к богам. – Вы ведь откроете мне проход, если я захочу уйти?»

Боги не ответили. А ули, оглянувшись на ходу, расплылась в улыбке:

– Какая умная киса! Как собачка.

Она привела меня в комнату с простыми диванами, обтянутыми темным штофом. На диванах болтали и хихикали другие служительницы – точно кумушки на лавке. Одна, остроногая, даже лузгала семечки, но на пол не плевала, собирала шелуху в кулачок.

– Что, Агнета, еще одну бродяжку подобрала?

Они добродушно засмеялись.

– Только пусть не гадит! А то Ида на твоего Мохначу жалуется. Метит, паршивец, где вздумает, а ей убирать.

– До покоев Доброчтимых добрался!

– Он больше не будет, – «моя» служительница вздохнула.

– Что, отрезали Мохначу лишний хвостик?

Ули опять засмеялись.

– И Чернушка не будет, – пообещала Агнета. – Она умная киса. Правда, Чернушка?

Я сказала: «Мр-рм», хотя имя Чернушка мне категорически не понравилось.

– Жди здесь, я сейчас приду.

Она скрылась в одном из проходов, а я прошлась по комнате, стараясь сделать так, чтобы каждая ули хоть раз на меня посмотрела.

– А красивая кошка, – заметила одна. – Чистая, ухоженная.

– Потерялась, наверно.

– Ничего, Агнета ей пропасть не даст. И к делу пристроит. Вон Лиса госпоже Браннас добрые сны навевает!

– Тощая какая-то.

– Ничего не тощая. Просто шерсти мало.

– Вот я и говорю – тощая. Мне пушистые нравятся.

И ни одна не сказала: «Смотрите, это же оборотень, потерявший связь со своим телом! Давайте ей поможем».

Потом они вовсе перестали обращать на меня внимание и завели речь о какой-то Дагмар, которой изменил муж, и теперь их обоих выгоняют из храма.

- Думаешь, ей выплатят возмещение?
- Само собой, выплатят. Она же не виновата, что Ульф изменщиком оказался!
- Еще как виновата. От хорошей жены муж не гуляет.
- Смотри, Вивика! Пойдет твой Лотер на сторону, посмотрим, как запоешь.
- Мой Лотер? Да никогда!

Я слушала и дивилась. Нас учили, что к служению Свену и Свяне допускаются только благонравные супружеские пары, а боги заботятся, чтобы они и дальше таковыми оставались, любили друг друга, уважали и хранили взаимную верность до последнего дня. Если божественная чета за своими ули уследить не в силах, на что надеяться бедной кошке, которая забыла, когда молилась в последний раз?

Блиzkих отношений с богами у меня никогда не было. В детстве я, конечно, бегала в храм – и с просьбами, и с вопросами. Все бегают. Но не все получают ответ.

Помню, как обидно мне было. А дед Полкан, посмеиваясь, повторял изречение столичного памфлетиста, скрывающегося под псевдонимом Зан Носса: «Я не верю в богов, боги не верят в меня, мы живем в полном согласии и друг другу не мешаем». Еще этот Зан Носса утверждал, что люди сильнее богов, потому что боги не могут существовать без людей, а люди без богов вполне себе обходятся.

Может, он и прав. Все равно толку от богов никакого, хоть мы и праздники в их честь устраиваем, и подати на храмы платим, и в гимназии богознание проходим – а учебник по нему толстенный!

К счастью, раньше, чем мои мысли приняли совсем святотатственное направление, вернулась Агнета с миской овсяной каши. Миска была жестяная, гремучая, каша холодная, комковатая и не соленая, но с кусочками курятины. Р-рам! Я старалась есть аккуратно и на пол ошметков не ронять, а потом еще и доньшко вылизала.

– Какая воспитанная киса, – восхитилась Агнета. – Не грусти, милая. Мы обязательно разыщем твоих хозяев.

Лучше отыщите мне мага, сведущего в тонкостях незримых миров!

Только, боюсь, у нас в Свеянске такого нет. Местные маги приставлены к делам земным, для жизни полезным. Чистка печных труб и городской канализации. Починка магических и полумагических аппаратов и приборов. Торговля мелкими дозволенными амулетами...

– Идем, Чернушка, – позвала Агнета. – Покажу, где ты будешь спать и службу свою исполнять.

– Понимаешь, – объясняла она, пока мы шагали по очередному коридору, – люди приходят к нам не только свадьбу играть или о ребеночке просить, но и за вещими снами.

Верно. И платят звонкой монетой. А чаще – шуршащими ассигнациями.

– Всякий храм – это ворота в незримые миры.

Перед нами возник проем в сумрачную комнату.

Ули понизила голос:

– Идем тихонько, не шумим! У господ, расположенных к исканиям в мире снов, чувствительная нервная организация. И тут ваша помощь просто незаменима.

Наша?

– Теплый кот-мурлыка под боком – наилучший проводник в мир снов.

Просторная комната, погруженная в таинственный полумрак, была разгорожена ширмами, из-за которых доносилось сонное сопение.

– Здесь у нас Мохнач с господином Легсоном, – еле слышный шепот и легкое движение руки в сторону одной из разгородок. – Там Лиса с госпожой Браннас.

Я чуяла кошку и кота – не оборотней, самых обычных. Кошка пахла кошкой, а кот – не совсем котом.

– Вот тут господин Шлафлос, – Агнета двигалась на цыпочках и говорила теперь одними губами. – Он у нас третью ночь проводит, все уснуть не может как следует, ворочается и ворочается.

За ширмой как раз послышалась возня, скрипы и шумный тоскливый вздох.

Агнета дождалась, когда все стихнет, и закончила:

– Видишь ли, чтобы воспринять волю богов, сон нужен глубокий, такой, что из пушки стреляй, не добудишься. А сонный порошок господину Шлафлосу нельзя – здоровье не позволяет. Прошу тебя, милая, помоги ему.

К чему она ведет, было ясно с самого начала. Так что я заранее села в сторонке и обернулась хвостом. Простите, ули, вы очень любезны, но в постель с чужим мужчиной я не лягу!

Разумеется, Агнета моего отказа не приняла. Когда это человек считался с кошкой?

Ули уговаривала меня, называла «кисонькой», «лапушкой» и тихонько подкрадывалась с явным намерением сцапать, а я переходила с места на место, не подпуская ее близко.

Надоест же ей когда-нибудь?

– Зр-ря упр-рямишься, – мурлыкнули из-за ширмы госпожи Браннас. – Смир-рись. Потом понр-равится.

Стало неловко. Да что я в самом деле? Трудно подыграть доброй женщине, которая взяла меня под крыло?

В руки не далась, сама вспрыгнула на высокое ложе и устроилась поверх стеганого одеяла в ногах у господина Шлафлоса. Он что-то проворчал в полусне и перевернулся на бок, не лягнув меня только потому, что я успела отпрянуть.

Агнета ласково поворковала у его изголовья, погладила меня и наконец удалилась.

– Добр-рая, – раздалось ей вслед непонятно откуда. – Но стр-ранная.

Я соскочила с постели и вышла осмотреться.

Комната вмещала дюжину миниатюрных спаленок, в каждой – кровать, тумбочка и напольная вешалка для одежды. Со стен сонно жмурились резные Свены и Свяны, под их полуприкрытыми веками тлели оранжевым крохотные лучезары. На лаковых ширмах были тонко выписаны сцены из жизни божественных супругов.

Из-за ширмы госпожи Браннас показалась рыжая кошка феранской породы – в меру пушистая, на ушах кисточки. Лиса, надо полагать.

– Чер-рная, – приветствовала она меня, взмахнув пышным, как у белки, хвостом. – Пойдем пр-роведаем.

И кошка нырнула за ширму господина Легсона.

Я не без опаски последовала за ней.

На кровати, точно такой, как у господина Шлафлоса, спал человек, а под боком у него возлежал здоровенный меховой шар с ушками.

– Смотр-ри, Мор-рда, – неучтиво обратилась к нему Лиса. – Пр-ривела. Чер-рная. Красивая, пр-равда?

Пониже ушек у шара прорезались золотистые щелки.

– Кр-расивая, не кр-расивая, – проворчал шар и зевнул, явив розовую пасть с клыками. – Какая тепер-рь р-разница?

– Не гор-рюй, Мор-рда, – Лиса вскочила к нему на постель. – Я р-рядом.

Она принялась вылизывать лохматый мех, и ушки, и щелки глаз. При этом оба мурлыкали, рокотали на два голоса, словно пели дуэтом.

Я тоже села с краю – послушать.

– Р-рыбки бы, – жаловался Мохнач-Морда. – Кур-рочки. Зачем р-разбудили?

Во сне-то ему, горемыке, есть не хотелось. И вообще там, во сне, лучше, чем наяву.

– Пр-рисутствие, – объяснил кот. – Пр-риятно.

– Пр-равильно, – согласилась Лиса. – Говор-рягт. Хор-рошо!

Пока я пыталась понять, что это может означать, кошка вдруг повернулась и лизнула меня в нос шершавым языком.

– Гр-рустная. Спи. Пр-росто спи.

И сама пристроила голову на необъятный пушистый бок Мохнача.

– Спасибо, – пробормотала я. – Я тут где-нибудь р-рядышком...

Тьфу ты, сама по-кошачьи урчать начала!

Стоило немного успокоиться и почувствовать себя в безопасности, как могильной плитой навалилась усталость. Я выбрала себе пустую спальню подальше от остальных, вскарабкалась на незастеленную кровать и утонула в перинах. Было тепло и уютно, каша с курочкой, о которой грезил бедный Мохнач, наполняла живот приятной тяжестью, но сон не шел. Мысли крутились вокруг вчерашней ночи и сегодняшнего утра, на душе становилось все чернее и горше.

Чтобы отвлечься, я стала вспоминать сказки Старой Хель о мире богов и мире снов.

Старая Хель жила в двух кварталах от нас и каждый вечер читала внуку сказки из книг с такими потертыми переплетами, что названий не разберешь. Сказки были известные, но рассказывались всегда не так, как я привыкла. То ли книги у Хель были какие-то особенные, то ли она выдумывала на ходу.

– Наш мир для богов, что для нас садовый пруд, так же мал и мелок, а мы для них вроде рыбок в том пруду. Живем себе среди водорослей, ила и лягушат, ведать не ведаем, как снаружи все устроено, и о том, что там творится, судим лишь по ряби на воде.

Я закрыла глаза и увидела Хель сидящей в старом кресле у камелька: на носу круглые маленькие очки, на коленях раскрытый том. Говорят, в молодости Хель играла на сцене. Голос у нее и сейчас был звучный, читала она с выражением, и с ветки у окна я четко слышала каждое слово:

– Рыбы не могут жить на суше, а люди – в воде, хотя в их власти осушить пруд и пустить на уху всех, кто в нем обитает. Вот и богам при всем их могуществе, чтобы дотянуться до людей, нужны храмы, алтари и святилища, как рыбаку нужны удочки и сети. Но боги ловят нас не для того, чтобы сварить уху. Они испытывают души, меняют судьбы и раздают дары, а иной раз отнимают. Мир снов открыт и людям, и богам. Там возможно все, там происходят настоящие чудеса и исполняются самые немислимые желания. Как в Ночь Всех Богов...

– Чем плохо утратить связь с незримыми мирами? – Свен погладил свою золотую вайнскую бородку, и она пропала, открыв гладкий подбородок, а волосы на голове бога потемнели. – Не будет у тебя чутья, не будет удачи. Мы не услышим твоих молитв, не пошлем знаков, озарений и провидческих снов, не подскажем, не поможем.

– А вы можете помочь? – спросила я.

– Можем и поможем, – уверил Свен. – Если дашь обет службу нам сослужить.

Комната в доме Старой Хель исчезла, кругом расстилалось что-то мутное, синевато-бледное – то ли туман, то ли снега. На Свене были посконные штаны и рубаха, подвязанная вервием, на Свяне – простое платье из некрашеного льна.

– Какую службу?

– Поймешь в свое время, – богиня мелодично рассмеялась, отбросив за спину черную косу. – Так ведь уговор с богами заключают. Не знала?

Знала. Это во всех сказках говорится: надо наперед по-обещать, что исполнишь любой приказ, всего один, но что за приказ, не узнаешь, куда час не пробьет.

– То-то же, – усмехнулся Свен и посерьезнел: – Так даешь обет?

- Даю, – сказала я.
- Тогда скрепим уговор печатью.

Он очутился рядом и, взяв в руки мое лицо, коснулся губами лба, а потом то же самое сделала Свяна.

- Тело твое мы вернуть не можем, – сказала она.
- Не в нашей это власти, – уточнил Свен.
- Двудликие принадлежат Двудликому.
- Но не проси его. Не ответит.

Верно: у Двудликого нет храмов. Бог, давший начало всему сущему, смотрит на мир, но не вмешивается. Так нас учили.

– Как это нет храмов? – притворно нахмурилась Свяна, и лен на ней превратился в вишневый бархат, коса рассыпалась, длинные густые пряди собрались в модную прическу. – А Храм Всех Богов? В Альготе!

– Там в Ночь Всех Богов, – торжественно произнес Свен, одетый теперь в парадный сюртук, – Двудликий нисходит в мир, чтобы отворить дверь между старым годом и новым, между явью и неявию, между былью и небылью, между жизнью и смертью...

- Входит с одним ликом, выходит с другим.
- В самую долгую ночь все заслоны и преграды падают.
- Так же падет заклятие, что лежит на тебе.
- Но помни! Если не поспеешь к сроку...
- Если не будешь ночью в храме...
- Если не вступишь в Лабиринт Судеб...
- Ходить тебе в зверином обличье до конца дней!

Утром я выбралась из перин и увидела, что из комнаты есть выход. Значит, можно отправиться на разведку. Самое время – пока остальные еще спят.

Откуда я знаю, что настало утро, когда нет окон? Кошкой я всегда это чую.

Туннель оказался тесным, как барсучий лаз. Вероятно, он предназначался для кошек, несущих службу в комнате снов. Или для меня одной? Было жутковато. Так и чудилось, что перламутровые, мягко светящиеся стены вот-вот сожмутся и раздавят.

Потом я услышала звуки, ощутила запахи – и выбралась в сеть коридоров обычного человеческого размера. Эти коридоры не появлялись и не исчезали, а просто были. И двери в них – были. Вещественные, прочные, пусть и странной овальной формы.

Створки одной из дверей стояли открытыми. За ними в большой комнате, похожей на кабинет управляющего или королевского чиновника, раздавались взволнованные голоса, мужские и женские:

- Вы только подумайте, каков наглец!
- Да как у него бесстыдства хватило заявиться к нам и чего-то требовать!
- Мы же не впустим его, Доброчтимый?
- Ни в коем случае, – отозвался низкий властный голос. – Слуга Дакха не переступит порог нашего храма.

– Но, Доброчтимый, – возразил кто-то. – Если этот оборотень в самом деле опасный преступник, мы не можем покрывать его.

У меня лапы задрожали.

Бежать! Прятаться!

Но куда?..

Я юркнула за створку двери и не дыша прислушалась.

– С оборотнем мы решим сами, – объявил не менее твердый женский голос.

– А знаете, – вмешалась другая женщина, – вчера вечером ули Агнета нянчилась с новой кошкой. Черная такая.

– Вот и найдите эту кошку! Все свободны.

Собравшиеся в кабинете разом пришли в движение. Раздались вздохи, шелест одежд, зашуршали по полу подошвы мягких сапожек. Служители неторопливо расходились в разные стороны, обсуждая случившееся, а я сидела за дверью как в ловушке, не смея шелохнуться.

– Вы меня звали, Доброчтимые? – послышался тихий, смиренный голос.

Агнета! Должно быть, она пряталась в кабинете или, как тут водится, явилась из только что открывшегося проема.

– Ты знаешь волю божественной четы? – спросил мужчина.

– Знаю, Доброчтимые.

– Вот и выполняй. И не попадайся никому на глаза.

Агнета вышла в дверь, ступая тише мыши, но дыша так, будто только что обежала половину Свеянска.

Легкий шорох, почти беззвучное движение перламутровой створки...

– Чернушка, не убегай! Я выпущу тебя так, чтобы он не узнал.

В стене напротив сейчас же образовался ход.

– Идем... – Агнета запнулась и закончила: – Идемте, госпожа.

В нешироком туннеле, уводящем вглубь храма, кроме нас, никого не было, и ули говорила, не понижая голоса:

– Понимаете, я сновидица. Не такая сильная, как те, кто живет на острове, но во сне мне часто является Свяна, а иногда и Свен. Вчера они оба сказали, что надо ждать особого гостя. Я не думала, что это будешь ты... Вы. Будете. Я думала, вы просто кошка. А сегодня был еще один сон, и Свяна велела помочь вам убежать от секача. Он сидит в санях у главного входа, а вокруг храма понаставил меток, чтобы никто не выскочил незамеченным. Но я вас подземным ходом выпущу. Чужие о нем не знают. Госпожа Кошка...

Агнета помялась.

– Секач... он сказал, вы кого-то убили. Это ведь неправда?

Глава 4, *в которой кошка гуляет сама по себе*

Я все-таки решилась взглянуть на него – издали, с крыши склада москательных товаров госпожи Торнеке.

Утро было серым. С неба сыпал частый снег; за белесой завесой люди и сани, съехавшиеся на очередную свадьбу, казались мутными пятнами. Но я сразу поняла, какие из саней принадлежат секачу.

Он как раз откинул меховую полость, которой укрывался, вылез наружу и молодцевато прошелся по утопанному снегу перед входом, разминая ноги. Короткий приталенный полушубок с поднятым воротом ладно сидел на его подтянутой фигуре, под черной шапочкой угадывалось по-ланнски смуглое лицо, и я заметила, как женщины из числа гостей поворачивают головы в его сторону.

Когда проем открылся и народ потек внутрь, секач не сделал попытки смешаться с толпой. По словам Агнеты, он уже пробовал. Храм его не впустил.

Секач помедлил, наблюдая за входящими, затем обвел взглядом окрестности. Я вжалась в снег за водосточным желобом, а едва посланец Дакха отвернулся, поспешила перебраться с крыши на забор по другую сторону здания. Не хватало еще, чтобы этот удалец меня почуял. Может, секачи на такое и не способны, но как-то же он узнал, что я в храме!

Доброchtимые не выдали меня на расправу. Однако и заступиться не пожелали, хотя храм обладает правом убежища.

Наверное, им было немного совестно, и прежде чем выставить на мороз, меня накормили как дорогую гостью. Гуляш из индейки с овощами и сырной подливой – только из печи, нежный, ароматный. Пища богов!

– Вам понадобятся силы, – объяснила Агнета.

Потайной ход вывел во двор заброшенной усадьбы неподалеку от храма. Прощаясь, ули сообщила, будто по секрету, что боги ждут от меня помощи:

– Совершается преступление против любви, и вы должны его предотвратить.

Ни больше ни меньше.

Лиса права: она и правда странная.

Встав с постели, я была уверена, что видела обычный сон, навеянный обстоятельствами. Смущало лишь то, что я помнила разговор с богами во всех подробностях, от первого до последнего слова. Даже самый конец, когда образы стали таять, голоса удаляться, а Свен и Свяна, словно забыв обо мне, перебрасывались фразами между собой:

– Ах, надо было предупредить, что печать не спадет, пока служба не будет исполнена. Как же я запамятовала! Давай вернемся?

– Брось. Она неглупая девочка, сама догадается. И в сказках об этом, небось, написано.

– Разве? Не припомню. Может, попросим Снежу присмотреть за ней? А то замерзнет в дороге.

– Снежу? Нет уж! Или ты хочешь, чтобы мы были ей должны?

Боги истаяли уже до смутных теней, и разобрать ответ Свяны я не смогла, только услышала, как оба рассмеялись.

Не знала, что у богини зимы есть имя. Обычно ее так и величали – Зима, Хозяюшка Зима или просто Богиня. Когда за окном стужа и сугробы, сразу ясно, о какой богине речь.

Или у богов, как у кошек: одно имя для людей, другое – для своих?

На улице было теплее, чем вчера, но время от времени налетал ветер, и чувствовалось в нем что-то настолько леденящее, что сердце стыло. Я укрылась за трубой над пекарней Верцелей, прижалась к теплому камню и мысленно позвала на пробу:

– Снежа!..

Ветер задул еще сильнее, над крышей поднялась метель, и в кружении снежинок мне почудился хоровод крохотных снежных фей, о которых пишут в сказках. Феи перемигивались глазками-искорками и тихо хихикали.

Я зажмурилась и тряхнула головой – привидится же!

Лапы принесли меня домой. Зайти во двор я не осмелилась – секач мог и там меток наставить. Влезла повыше на соседскую осину и долго приглядывалась к окнам, прислушивалась к звукам и запахам. Судя по всему, мамы дома не было. У калитки стояли Майра с Ормом и шептались так тихо, что я не слышала о чем. Майра кокетливо улыбалась, а Орм трогал воротник ее беличьей шубки.

Да, у Майры был настоящий ухажер. Младший из пяти сыновей пекаря Верцеля. Сутуловатый парень, с красным лицом, белесыми ресницами и большими ладонями. Без надежд на приличное наследство, но работающий и себе на уме. Третий год за Майрой ходил, звал замуж.

Мама советовала не спешить, и Майра не спешила. Ей нравились наглые красавчики вроде Торана Хогмуда, сынка нашего бургомистра, и она не скрывала, что мечтает выйти за богатого. Это не мешало Майре держать Орма рядом и помыкать им в разумных пределах. Зато каждое утро у нас к завтраку были свежие булочки.

Может, Майра пристроит меня к Верцелям на денек-другой? В пекарне тепло, а от булочки я не откажусь и в кошачьем теле. Заодно попробую вызнать у нее подробности о визите Льетов – и откуда взялась выдумка, будто я убийца. Не мама же сказала такое служителям Дакха! Может, это ошибка и секач у храма вовсе не меня искал?

Много лет в Свеянске был один оборотень – дед Полкан. Потом пришли бабушка с мамой. А сейчас осталась только я. Если бы завелся кто-то еще, рано или поздно я бы его учуяла. Значит, это чужак. Опасный тип, бегущий от правосудия. А подозрение пало на меня!

В этот миг Майра рассмеялась, откинув голову назад, так звонко, что слышно было даже на моей осине.

В горле встал комок. Наверное, так чувствует себя дух, который пришел в мир людей, чтобы увидеть, как жизнь продолжается без него.

Я отвернулась и прыгнула в снег, заваливший проулок. Булочки не сделают меня человеком, а потеря пары дней может дорого обойтись. Сколько по нынешней погоде займет дорога до Альготы – неделю?

Верин Керст от Свеянска вдвое дальше, и добираться туда трудней.

Казалось бы, выбор ясен...

Если поверить, что во сне, не давая себе отчета, я и правда заключила договор со Свеном и Свяной. А вдруг встреча с богами – просто ночное видение, что тогда?..

В Керсте у меня подруга, которая приютит, обогреет и поддержит. Но сумеет ли помочь?

В Альготе – Храм Всех Богов, где заправляют служители Двуликого, которым, по слухам, дарованы особые силы. Там же две академии наук, обычных и магических, а еще мелкие колдуны и ведьмы всех мастей. Наверняка найдутся и оборотни. Но ни одного друга или хорошего знакомого.

Керст или Альгота? Запад или северо-восток?

Как бы то ни было, Свеянск придется покинуть. Идти пешком в моей шубейке и думать нечего. Доеду по Северному тракту до Лейра или Голянска, а там решу, куда дальше. Одна загвоздка: где взять транспорт? Сегодня, сейчас, не теряя времени, не тратя силы на поиски нового убежища.

Однажды я читала роман о юной девушке, чудом избежавшей гибели от рук злодеев. Ей надо было спрятаться, и девушка устроилась служанкой в дом злодейского главаря, рассудив, что у себя под носом он искать не будет.

Почему бы и мне не поступить схожим образом?

Тем более что «злодей» как раз собирается в нужном направлении...

Через четверть часа я была у дома Снульва.

Вовремя!

Через распахнутые двери черного хода слуги таскали во двор дорожные сундуки и кофры. Большую часть укладывали в простые крытые сани, пару штук закрепили на задке богатой кареты на полозьях. Немного в стороне стояли наготове третьи сани, открытые, с двумя рядами низких полулежачих сидений. Выбирай, что душе угодно.

Льеты меня погубили, они же и спасут! Доставят напрямиком в столицу. Надо только не попасться на глаза кавалеру и его ведьме.

Правда, до Ночи Всех Богов еще без малого три недели. Что я буду делать в Альготе столько времени? Может, все-таки в Керст?..

Лоб кольнуло будто калёной иглой.

У меня, часом, не жар начинается? Не хватало еще простудиться!

Холод пробирал до костей, и я не стала больше ждать. Улучив момент, когда во дворе никого не было, выскользнула из-под садовой скамьи, забралась в грузовые сани и втиснулась между кофрами. Их стенки, обитые толстой кожей, еще хранили остатки тепла. Снаружи задувал ветер, и все равно было так хорошо, что я зажмурилась от удовольствия.

Погрузили последний сундук. Дверцы захлопнулись, клацнул замок, внутри стало темно. Я сказала себе, что тревожиться не о чем. Спереди, за головой кучера есть окошко с раздвижной деревянной заслонкой. Если понадобится, я сумею открыть ее изнутри – на что кошке лапы с ког-тями?

Но когда во дворе послышался грубый, как наждак, голос матушки Гиннаш, стало жутко до дрожи в печенках. Вдруг она почует меня, как почуяла тогда, у окна? Я же тут как мышь в мышеловке!..

Наконец тронулись. Я сидела, будто на иголках, прислушиваясь к каждому шороху, а перед глазами снова и снова вставал момент, когда со старушечьих пальцев слетала, устремляясь ко мне, зловещая черная пыль.

Знала ли ведьма, что я оборотень или наложила свое заклятие просто на всякий случай?

Так или иначе, путешествовать в ее компании – отчаянный риск. Но другую оказию надо еще найти, а на дворе не лето.

Скоро я ощутила это сполна. Ветер в возок не задувал, снег не залетал, но мороз проникал сквозь все преграды, постепенно выстуживая багаж и пол под лапами, заползая ледяными щупальцами под мою тоненькую шубку.

До первой остановки было еще терпимо.

Судя по звукам и запахам снаружи, Льеты завернули в придорожный трактир. Движение за стенками возка не затихало ни на миг, и я не решилась выйти. Вдруг стану двигать заслонку, а кто-нибудь заметит?

Выехали часа через два. Льеты, небось, успели не только отобедать с толком, но и у камина посидеть, газеты почитать, кавалер еще и стопочку пропустил, а бедная кошка тут хоть околей!..

К моменту второй остановки я уже клацала зубами, трясясь, как цуцик. Живот свело от голода, очень хотелось в отхожее место.

Как только кучер, проследив, чтобы коням задали корм, ушел в тепло вслед за господами, я вскарабкалась по сундукам и с пятой попытки сумела-таки сдвинуть заслонку.

Уже смерклось. Снег давно перестал идти, трактирный двор был неплохо укатан.

В дальней его части, в открытом загоне, окруженном бревенчатой изгородью, дремали полдюжины ломовых мамок – совсем не таких ухоженных, как Фин и Фан господина Лердсона. Их кудлатая шерсть давно потеряла белизну, на боках смерзлась в грязные сосульки. Животные лежали, подогнув под себя ноги и свернув мохнатые хоботы наподобие пожарных шлангов. Умаялись за день, бедняги. Бивни мамок упирались в землю, уши обвисли, будто клочья овчины на заборе, дыхание наполняло двор шумом и рокотом.

У трактира сновали люди, но до кошки, выбравшейся из оконца крытой повозки, никому дела не было. Длинное здание манило желтыми окнами и ароматами съестного. Я отыскала заднюю дверь и уселась у крыльца.

Думала, придется учиться красть еду. Но не понадобилось.

Кухонная девчонка, посланная выплеснуть помои, не осталась равнодушна к моему мурлыканью. Даже впустила в тепло.

Она и сама была как бездомный котенок. Одежонка вся штопаная, на грязных тощих ногах деревянные башмаки.

Интересно, штопала сама? Стежочки мелкие, ровные.

Девочка принесла похлебки, и я принялась за еду, стараясь не думать, что раскисшее месиво наверняка слито из чужих мисок.

– Подожди, – шепнула девочка. – Сейчас за косточкой сбегаю...

– Я т-те дам косточку! – прогрохотало над головой. Грубо, сипло, да с бранными перекатами.

Мимо по коридорам все время кто-то топал, скрипел половицами, и сперва я не придавала значения тяжелым мужским шагам. Но услышала их, уловила вонь перегара и кислого пота, вовремя поняла, что все это приближается, и сумела увернуться от кованого сапога – только миска загрохотала, разметав по полу остатки похлебки.

А мою спасительницу застали врасплох. Косматый бугай с налитой кровью рожей влепил ей такую затрещину, что девочка упала, а он шагнул ближе, собираясь поддать ногой.

Не знаю, как бы я поступила в человеческом теле – этот вопрос пришел мне в голову уже после. А в тот миг было не до вопросов. В ушах зазвенело от ярости. Я прыгнула краснорожему на брюхо, проехалась когтями по рубашке навывпуск и повисла на том самом месте, которым особо дорожат мужчины, – ни секунды не думая о приличиях! Да еще задними лапами от души прошлась по толстым ляжкам.

Бьешь маленьких?

Вот тебе от маленькой кошки, негодяй! Получи!

Бугай заревел, как раненый медведь – такими словами, каких я и от извозчиков не слышала.

Было самое время рвать когти. Но проклятые застряли в грубой шерстяной ткани.

Бугай махнул ручищей – у меня звезды из глаз посыпались. Я поняла, что лечу кувырком и сейчас шмякнусь о стену!

В последний момент успела собраться в воздухе. Лапы отбила, приземляясь, но в остальном обошлось.

Медвежий рев прервался женским скандальным визгом. На шум явилась тетка в зеленой клетчатой юбке и кирпичного цвета кофте с оборками, туго натянутой на животе. Как можно такое носить? Ведь не бедная, видно!

Пока бугай объяснял, что «эта падаль переводит харч на эту падаль», девочка поднялась на ноги и, отерев разбитые губы, отворила мне дверь:

– Беги!

– Вилька, куда!.. – взревели за спиной.

Я юркнула за угол, услышав напоследок:

– Я тебя по доброте своей приютила, чай, не чужая кровь, а ты, дрянь такая...

Тихо, вдоль стеночки, я пробралась обратно на главный двор. Там как раз высаживалась из санной кареты компания богатых ездоков. Над широким крыльцом трактира горели фонари в железных клетках, суля уют и тепло. В их сиянии переливались собольи меха вновь прибывших, оживленно звучали приятные мужские голоса, игривым колокольчиком звенел женский смех.

Фасад трактира, фасад жизни. А по другую сторону – грязь, брань, зуботычины, нищая сиротка в руках мерзавцев. И кошка, которую ничего не стоит размазать по стене одним ударом...

Помочь девочке Вильке я, увы, ничем не могла и лишь порадовалась, что Льеты не захотели тут ночевать – потому и лошадей не выпрягли. Но меня подстерегал неприятный сюрприз.

Хозяйские кучера, все трое, собрались у грузовых саней. Жевали табак, сплевывали на снег и обсуждали, какой такой подлец вскрыл заслонку на возке. Небось, хотел господ обокрасть. Бывают такие воры – щуплые, тщедушные, гибкие, что твой уж. В любую маломальскую дыру пролезут не хуже кошки.

Я отступила в тень чьих-то саней.

Что дальше? Заслонка закрыта и подобраться к ней не удастся, кучер теперь настороже. Искать других попутчиков?

А от дверей трактира уже звенел голосок барышни Агды...

Я спряталась под господскую карету.

Рядом стояли сани, заваленные грудой грубо выделанных шкур. В этих санях, если я верно поняла, ехала прислуга.

Багаж, представьте себе, в крытом возке, а люди – на ветру и морозе. Зато под меховыми покрывами.

Слуги, две женщины и двое мужчин, укутанные так, что только глаза видны, как раз приближались. И я решилась. Обежала сани, хоронясь за лошадьми, втиснулась под тяжеленную шкуру, забила в какую-то нишу, должно быть, под сиденье – жаль, места маловато.

– А на что ты ей такой сдался? – громко и насмешливо говорил женский голос. – К девушке подход надо иметь!

– Подход ей! Много чести, – сварливо отозвался мужчина. – Небось, не из господ.

Подошедшие расселись, препираясь и подначивая друг друга. Я оказалась в женской половине саней. Служанки Льетов долго возились, закапываясь под мех и суча ногами в валяных сапогах. Раз меня несильно ткнули в бок, но, видно, хозяйка сапога решила, что попала по перегородке.

Стенки саней были обиты войлоком, пол устлан лохматыми коврами. По ним щедро расстелился край бараньей полости, в которую укуталась одна из моих попутчиц. Но кому край, а мне – целая перина. Я аккуратно прилегла на нее грудью, погрузив нос в лохматое и пахучее, а когда дыхание женщины стало тихим и ровным, зарылась в кудлатый ворс всем телом и наконец согрелась достаточно, чтобы задремать.

Во сне было тепло. Во сне было лето. Я лежала на берегу моря, и в лицо мне било солнце, такое горячее, что лоб пекло, словно к нему приставили дно раскаленного чугунок. Я отодвинулась в тень. Не знаю, что ее отбрасывало. Только что никакой тени не было, она появилась, едва стала нужна. Я пристроила голову на морской валун, гладкий на вид, а на ощупь почему-то шершавый и ворсистый, точно валяная шерсть...

– А-а-а! Крыса! А-а-а!

Меня дважды ударили в живот, рванули за лапу – с такой силой, что едва плечо из сустава не выдернули. А потом все завертелось, и я полетела, глотая колючий ледяной воздух, в черно-белую бездну...

Черной была ночь, белым – снег. Он принял меня в жесткие объятия, спеленал сыпучими простынями, не давая вздохнуть. Я забарахталась, будто неумелый пловец, и все-таки вынырнула под лунное небо – чтобы увидеть, как удаляется маленький обоз Льетов. Растаял в ночи огонек фонаря под задним козырьком на крыше повозки, стихло пение полозьев...

Кругом расстилалась пустыня, перечеркнутая свежим санным следом. Это не был накапанный тракт, вдоль которого, перетекая одно в другое, тянулись села, стояли трактиры и гостевые дома, где всегда можно найти пристанище. Куда ни кинь взгляд, серебрились бескрайние снега.

По бокам местность немного поднималась, на небе рисовались ломкие скелеты деревьев. Берега? А подо мной – замерзшая река, по которой проложен зимник, присыпанный последним снегопадом. Льет, должно быть, решил сократить дорогу.

Большая река в наших местах одна – Норран. Течет с северо-востока на юг, к морю. Двигаться по тракту удобнее и надежнее, но он делает изрядный крюк, а русло Норрана идет в сторону Альготы прямо, не петляя, почти до Искарьянска. Только с ночлегом на реке туго, постоянных дворов по берегам нет. Льетов это не пугало. Очевидно, они рассчитывали остановиться в поместье какого-нибудь знакомого богача вроде Снульва.

У меня было два пути. Догнать обоз и найти способ вновь незамеченной попасть в одну из повозок. Или по следу вернуться на тракт, перебиться ночь и пристроиться в попутчики к кому-нибудь еще.

Бежать за кавалером опасно. В три раза – нет, в десять раз! – опаснее, чем раньше. Вышвыривая меня вон, слуги Льетов наверняка поняли, что извлекли из-под шкур не крысу, а кошку. Черную кошку. И хозяевам доложат.

Нет, к кавалеру мне нельзя.

Но и поворачивать назад не хотелось, просто потому что это – назад. Мне вперед надо. В Альготу или к Вере, но вперед.

Ай! Опять кольнуло переносицу.

Странно... Ну-ка, проверим.

Эй, наверху! Я решила. Не хочу в Альготу. Туда едут Льет и его ведьма. Отправлюсь к Вере, на запад. Где тут запад?..

На сей раз последовал не короткий укол – показалось, будто между глаз мне положили кусок раскаленного железа и стукнули по нему молотком. Несильно так стукнули. Но думаю, мое «мяу» было слышно даже рыбам подо льдом.

Свяна! Свен! Мы так не договаривались. Вы сказали, печать не сойдет, пока я не исполню обет, но не сказали, что она будет жечь каленым железом, стоит подумать о... О том, чтобы его не исполнять.

Хорошо, убедили.

Скрючившись от холода и поджав хвост – в самом буквальном смысле, я потрусила в сторону тракта. Печать кольнула опять, на этот раз деликатно. Пришлось развернуться и двинуться по следу кавалера Льета.

Свен, Свяна, вы хотите, чтобы он из моей шкурки воротник сделал? Меня же поймают сразу, как только близко подойду!

Печать молчала. Боги молчали. Только луна, яркая и голубая, как лед, следила за мной с черных небес, припорошенных крошечными снежинками звезд. Чистый сухой воздух обжигал горло. Чтобы не думать о плохом, я стала вспоминать свои злключения, воображая, что сочиняю роман. Снежную сказку, в которой все закончится счастливо.

Это отвлекло, но ненадолго. Я бежала по санному следу как по битому стеклу, чувствуя, что замерзаю, промерзаю насквозь, не до костей даже, а глубже, хотя, казалось бы, глубже некуда. И впереди по-прежнему ни малейших признаков жилья.

– Свяна! Свен! – позвала я. – Сделайте что-нибудь! Иначе к утру будет все равно, сошла печать или нет.

Вместо слов из горла вырвалось протяжное «Мия-а-а-у-у». Но боги должны понимать любой язык!

Я позвала еще.

И снова – тишина. Боги словно намекали, что укротить стужу, как и вернуть мне тело, не в их власти.

– Снежа!.. Ты сестра им. Помоги!

Все боги – дети Двуликого, братья и сестры, что не мешает им вступать в брак между собой. Людям нельзя, а богам можно. Потому что они боги и потому что у них нет выбора – больше жениться все равно не на ком.

Свяна, о чем я думаю!

Нет, не Свяна... Снежа! Хозяйка Зима! Слышишь меня?

Поднялся ветер, по белой равнине пронеслась поземка, и я задохнулась колючей пылью. Из неплачущих кошачьих глаз брызнули слезы. Было так холодно, что хотелось умереть... но умирать не хотелось!

«Кош-шка, – шелестели снега. Будто сотни змей струились вокруг. – Кош-шка».

Наверно, я сошла с ума...

В снежном вихре соткалась расплывчатая фигура.

«Приди ко мне, Кошка, – прозвучал в голове ясный ледяной голос, – и никогда не будешь знать холода. Не будет боли, не будет мук...»

– Нет! – выкрикнула я. – Нет! Посмотри: на мне печать твоих сестры и брата. Они ждут от меня службы. Я им нужна...

– А мне? – спросила фигура. – Сослужишь службу мне? Тогда помогу.

– Чего ты хочешь?

– Узнаешь, когда придет время.

Так всегда – во всех сказках! Сперва обещай, а потом хоть в петлю лезь, когда потребуют такого, чего и врагу не пожелаешь, но отказываться уже поздно...

– Так сослужишь?

– Сослужу...

Кажется, я все-таки заплакала. Но слезы в глазах стали льдинками, и сквозь них полыхнуло видение: прекраснейшая женщина в белом уборе, искрящемся тысячью снежных звезд. Она склонилась ко мне из черного поднебесья и запечатлела на темени долгий поцелуй, от которого меня пронзило лютым холодом, а потом отпустило.

– Вот мой дар. Он согреет тебя и защитит.

И все. Голос еще звучал в ушах, а женщина сгнула. Остались лишь ночь, звезды и снега.

И я.

А еще чувство, будто меня обернули в пуховое одеяло. Пух был густым и ослепительно белым. Вернее, не пух, а мех. Восхитительный пышный мех. На одной лапе, и на другой, и на хвосте, и на плече, и на груди, и на животе. Всюду, куда я смогла заглянуть...

У богов все, как у людей. Есть богатые, славные, почитаемые, с дворцами-храмами и толпами служителей-ули. Есть безвестные, незаметные, а то и забытые. И есть такие, как Зима... Снежа, которые не ждут почестей от людей.

«Храм мой из снега,
алтарь изо льда,
вьюга —
гимн мой священный,
мороз – мой слуга».

На крайнем севере Ригонии и Вайнора стоят Приюты Зимы, где вайны и гобры с особым даром разводят карликовых мамонтов, ездовых собак и снежных кошек.

Кажется, богиня только что превратила меня в одну из них.

Снова одолел голод. Но бежалось легко. Пучки шерсти между пальцами согревали лапы, смягчали шаги, я больше не проваливалась и не оступалась, снег будто сам нес меня.

А зима оказалась полна жизни.

В вышине парили снежные птицы, с их крыльев веером сыпалась алмазная пыльца, и в кружении блесков вились мотыльки, прозрачные, как морозный узор на окне. Скреблись под землей ледяные мыши. Вдалеке промчался заяц – живой, теплый, я это почувствовала, а следом такой же – снежный. Далеко-далеко взвыл стылым воем ледяной волк. А снега вокруг все пели, пели свою тихую неумолчную песню... Мне было удивительно и жутко. Но я верила, что отныне зима мой друг и союзник.

Я ошиблась.

К утру легкость ушла, мороз пробрался под толстую шубу и кусал все злее. Погода опять испортилась. По небосводу полетели тучи, повалила сплошным валом белая крупа. Ветер засвистал разбойником, подхватывая и крутя, вертя ее с молодецкой удалью.

Я не видела, куда иду, да и какое там иду! Резким порывом меня сбilo с лап, протащило, бросило в снег. Перед носом вмиг намелся торос, и ничего не осталось на свете, ни неба, ни деревьев – везде сплошная муть и круговерть. Я закрылась лапами и легла, чуя, как растет надо мной снежный холм.

Вдруг грянул топот, конское ржание. Верхушку моей норы снесло, будто топором! И я увидела: скачут...

Снежные витязи. Как в сказке.

«В злую метель воины, замерзшие в снегах, встают, готовые к битве. Горе тому, кто очутится на их пути...»

Витязи мчались сквозь пургу, и я не могла отвести глаз. Гривы их коней размазывались по ветру, вплетаясь в снежный буран, их смех вымораживал душу, а пики в руках отливали мертвенной синевой.

Я кинулась бежать. Но разве от них убежишь? Налетели, взяли в кольцо и понеслись кругом так быстро, что вой ветра перерос в свист.

В этом свисте чудился голос, нежный, как музыка: «Не пугайся, дитя, здесь тебя не обидят. Постой, не спеши...»

– Снежа, это ты?! – буря проглотила мой крик, как щука глотает пескарей.

А голос стал ближе, отчетливей:

«Слушай меня, дитя! Ты устала. Ляг, закрой глаза, согрейся под моими снежными перинами. Отдохни сегодня... А завтра встанешь и побежишь с моими детьми в мире и радости».

Их было множество: снежного зверья, лис, оленей, белок, мышей, даже кошек и неведомых тварей, невесть откуда пришедших. Они играли, веселились – там, за снежной завесой, радуясь стуже, как живые радуются весеннему солнышку.

«Они и есть живые. Я забрала их к себе, и они будут оживать каждую зиму. И ты будешь. Только не противься».

Песня вьюги вымывала из тела остатки тепла, отнимала последние силы.

– Снежа! – взмолилась я. – Снежа, ответь! Как же наш уговор? С...

Наст под лапами просел, и я уткнулась носом в плотный сугроб.

– ...нежа!

– Наконец-то! – отозвался холодный голос. Тот, что пел мне колыбельную смерти, или другой? – Сколько можно коверкать мое имя?

– Снежа, прошу! Ты обещала...

– Опять! Что за бестолочь? Но так и быть, помогу. Вставай! Ты почти дошла. Видишь огонек?

В белой вихрящейся мгле мигнула синяя искра. Близко ли, далеко?

– Это твой проводник. Выведет к месту. И вот что, – богиня задумалась. – Можешь позвать меня еще раз. Но только один! И не сегодня. Да учти, зови правильно, а то не услышу.

Огонек был едва различим, маячил впереди, но ближе не делался. В лицо летел снег. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, синей искры не было.

Чувства разом притупились. Мороз больше не жалил, а баюкал, клоня к земле. Дети зимы бежали следом, и мне все сильнее хотелось последовать их зову.

Вот и конец моей книге. Короткая вышла сказка... Лапы подломились, снег расстелился постелью, и стужа сомкнулась надо мной, как волны океана над тонущим.

– Снежа!..

Глава 5, *в которой меня принимают за мужчину и заключают в снежную ловушку*

Гудрун казалось, что она пробирается по белому болоту. Снег засасывал, как трясина, ноги проваливались по самые края высоченных войлочных сапожищ, путались в юбках и полах тяжелого тулупа. Лицо горело от мороза, по спине струился пот.

Она была в Веровее всего однажды – ребенком. Котенком... Обследовала все кусты, все коряги, сунула нос в каждое дупло и не сомневалась, что отыщет теткино логово, сколько бы ни прошло лет. Но под деревьями уже легли синие тени, меж стволов вспышками пробивался малиново-золотой зимний закат, а лесной домик все не показывался.

Гудрун потеряла рукавицей нос, щеки и оглянулась. Борозда следов позади нее тянулась, как рваный шрам на снежной шкуре. Как указатель. Значит, вернуться в деревню она сможет в любой момент. Если успеет дотемна. Если не начнется метель. Не разгуляется мороз. Не встретится на пути хищник...

А каково сейчас Карин? Где она?

Гудрун доковыляла до поваленного дерева и рукавами расчистила себе местечко на наклонно лежащем стволе. Ей надо сесть. Отдохнуть, подумать.

На пригоршню снега, упавшую сверху, внимания не обратила. В лесу постоянно что-то падало, потрескивало и поскрипывало. Может, птица сорвалась с ветки, белка проскакала или сучок не выдержал тяжести снежного груза.

Но следом прыгнуло большое, мохнатое...

Гудрун опрокинулась на спину и сквозь пелену ужаса увидела перед собой желтые глаза на рыжевато-серой морде, уши с кисточками и мощные лапы.

Рысь уселась на расчищенном стволе, ее верхняя губа дрогнула, обнажив кончики клыков. Скорее насмешка, чем угроза.

«Здорво, племяшка. Решила навестить старуху? И полвека не прошло, – прозвучало в голове. – Никак случилось что?»

С минуту Гудрун лежала в снегу, не в силах издать хоть звук, потом заставила себя сесть. – С Карин... дочерью моей, беда...

Полтора часа спустя они продолжали разговор уже во дворе дома. Гудрун устроилась на колоде для колки дров, накинув поверх тулупа медвежью полость, прогретую на печи, тетка Фрейя, так и не принявшая человеческого облика, – напротив нее, на поленнице.

Рысь даже в дом не вошла, предоставив гостье самой разогревать себе кашу с заячьим мясом и ставить водовар.

В доме было просто, как в крестьянской избе. Лавка, стол, сундук, лаз в подполье. Полы не метены, побелка с печи облезла. По всему видно, что хозяйка мало заботилась об удобстве своей человеческой половины. И следы вокруг дома были только звериные.

– Ты что же, совсем не оборачиваешься?

«Оборачиваюсь, – пришел ответ. – Печь натопить, кашу сварить. Дичи в лесу нынче мало».

Гудрун так вымоталась, что чужой голос в голове не пугал. Хотя в пору ее детства тетка Фрейя так не умела.

В тот единственный раз они с матерью гостили в лесном домике больше месяца. Тетка прибила мышонка специально для маленькой Гуни – угощайся, племяшка! Голенький, шерсть жевать не надо. Гудрун ударилась в рев. Чуть было не ушла пешком назад в Свейанск, не желая оставаться под кровом убийцы.

Всю жизнь она вот так рубила с плеча...

«В человеческом теле у меня руки-ноги болят, – толковала Фрейя между тем. – И поясница. С нутром нелады, в глазах мутит. А зверем я еще сильна. Придет день, насовсем в рысьем теле останусь. Да ты не бледней, Гунька, не бледней! Ничего плохого в звериной жизни нет. Это Урсулка, мать твоя, голову тебе задурילה городом своим. Говорила я ей, нечего в этом городе делать, живите тут, со мной. Так нет: девочке учиться надо, ремесло осваивать. И сама она, помню, любила в шляпке по мостовой пройтись, каблучками постучать...»

Подул ветер, с крыши полетела снежная пыль – прямо в рысью морду. Тетка Фрейя чихнула.

«Трусиха ты, Гунька. И мужа себе нашла такого же, городского... труса и дурака! Или ты ему чем насолила? Может, на сторону поглядывала?»

В сумерках прищуренные глаза тетки отливали холодным лунным золотом.

Гудрун вскочила, неуклюже сбросив с себя медвежью шкуру. После такого нужно было вскочить и ответить, как она умела! Но все слова потерялись. Гудрун не чувствовала ни обиды, ни злости – только застарелую горечь и тянувший душу страх.

– Вернульф не из города был, – выговорила через силу.

«Все одно, – фыркнула рысь. – Я четыре раза замуж ходила, дважды через Лабиринт, дважды – так. Ни от кого себя не таила, и никто от моей рысьей шубы не шархался. Опасались, это да... Потому как и без когтей приложить могу, – она подняла тяжелую лапу в густом меху. – Но ни один хахаль из моей постели не сбежал. В деревне вон тоже побаиваются, но уважают. Чуть что, ко мне. Ой, бабка Фрейя, у нас ребеночек в лесу потерялся, не поищешь? Ой, бабка Фрейя, у нас лисица повадилась цыплят таскать, не проучишь? А ты сама живешь, дрожишь и девочку свою запугала. Вот и удрала она от тебя... Ты покров-то накинь. Простынешь, кто дочь спасать будет?»

– Я ее к тебе привезти хотела, – сказала Гудрун. – Думала, ты знаешь, что делать. Ты же всегда говорила, что с самим богом зверей дружна...

«Надо же, запомнила, – рысь фыркнула снова, на этот раз сочувственно и даже, пожалуй, смущенно. – Зверям не нужен бог, они сами управляют. Это я тебе, маленькой, сказки рассказывала».

Гудрун тяжело осела на колоду.

– Я к соседу пошла, – заговорила она мертвым голосом. – Договориться, чтобы отвез в Веревою. Всего-то час меня не было. Майра, дурочка, ее во двор выпустила, а она скок через забор.

Гудрун помолчала, глядя перед собой.

– В храме клянутся, что не видели никакой кошки...

«Что-то ты скрываешь, племяшка».

– Ты что же, и мысли читать выучилась?

«Не выучилась, – усмехнулась Фрейя. – В сны могу заглянуть, ежели очень надо. А мысли твои мне ни к чему. Виной и смятением от тебя и так за версту разит».

Гудрун не шелохнулась, холодно радуясь пустоте в сознании.

«Души в тебе не осталось, Гунька, вот что. Видно, вместе с даром вышла. Один расчет. А всех чувств – страх да зависть. Заедало тебя, что девочка твоя вволю живет, а ты свою кошачью половину в отхожее место выкинула и ее к тому же понукала».

– Что за чушь ты несешь, – Гудрун прикрыла глаза. – Я хотела ей счастья. Чтобы не как у меня. Если бы я до свадьбы к Дакху ходила...

Рысь зарычала, оскалив клыки:

«Дур-ра ты, Гунька! Ох, дур-р-ра...»

Переступила, царапнув когтями по мерзлой коре, тряхнула головой – кисточки на ушах качнулись.

«Ладно, не горюй, придумаем что-нибудь. Ты ведьму-то эту хоть видела?»

– Когда бы? – Гудрун вздохнула. – Я даже не знаю, где Льеты остановились.

«И узнать нельзя?»

– Можно, но... Страшно мне стало, – призналась Гудрун. – Карин там что-то видела или слышала. Иначе – зачем, не забавы же ради? Я у нее не спросила, не до того было, и она не вспомнила. А потом, когда кавалер с дочкой явились... Я и так на риск пошла. Платье мы, говорю, упаковали, но заказчику пока не отправили. Если вы предложите нам нечто более ценное, чем шесть тысяч марок, это чудесное платье может стать вашим. А он не по-благородному так: «Ты чего, швейка, очумела?!» Я после этого уже и дух перевела. «Точно не они», – думаю. Но тут он в сердцах тростью по ладони себе – шлеп, шлеп! Насадка на трости серебряная – голова, вроде собачьей. Смотрю, а там по бокам – крылышки...

Рысь насторожила уши.

«Летучий шакал?»

– Таких совпадений не бывает! Я и пошла на попятный. Как вам угодно, кавалер, примите извинения, не смеем задерживать... А про себя молюсь: только бы не догадались, что это наша Карин была, только бы уехали поскорее вместе со всеми своими темными тайнами.

Гудрун судорожно глотнула острого ледяного воздуха, смахнула с ресниц капельки влаги.

– Она нашла, где укрыться, я уверена! Она каждый закоулок в Свеянске знает. Посидит, успокоится и вернется. Я тогда к ули ее сведу или к магам...

«От магов толку не будет. Для них оборотни – твари чуждые, а Небыль – страна незнакомая. Чтобы Небыль понимать, чутье нужно. Или сила – такая, что кровью добывается. Или воля Двуликого. Прочие боги тут не помощники».

Гудрун подняла голову и посмотрела в огненные глаза рыси:

– А Дакх?

Тетка издала звук, средний между шипением и тьяканьем.

«Этот может только отрезать твою дочь от Небыли. Если она человек, останется человеком. Если кошка – так кошкой и будет. Приведешь потом ко мне, научу ее, как зверем жить... Да не реви ты!»

Из глаз Гудрун бежали слезы. Горячие, живые, они вмиг остывали, обжигая щеки холодом.

«Иди в Храм Всех Богов, к Двуликому. Нас ведь тоже когда-то двуликими звали, да служители божьи сказали: кошунство это, ересь. Еще одно, из-за чего на нас когда-то ополчились... Сам Двуликий в дела людей не мешается, ули делают это от его имени. Служение богам дает власть. И деньги. Так что кошель потолще набей. Ули Двуликого – самые жадные. Или обратись к дазским шаманам, только настоящим, а не к балаганным шельмам! Но держи ухо остро. У дазов, в отличие от наших гобров, нет богов, одни духи. А духом после смерти может стать каждый. Иной – и при жизни. Вот они, духи, в Небыль ходят, как к себе домой».

– Откуда ты все это знаешь?

«Долго на свете живу, – губы рыси изогнулись в улыбке, приподняв мохнатые щеки, усы встали веером. – Думаешь, я всю жизнь на пеньке просидела? Нет, племяшка. Было время, тетка Фрейя по свету гуляла. До Южной Вайхи добиралась. Я и сейчас безлунной ночью прихожу иной раз на тебя поглядеть и на девчонок твоих. Ты-то им, небось, про родню неудобную не говорила?»

На дворе стало совсем темно. Гудрун подобрала медвежью полость и завернулась в нее с головой. Но шкура успела выстыть, и Гудрун тоже прокоченела насквозь. Ей казалось, каждая косточка в ней каменеет и трескается от мороза.

Рысь поглядела на племянницу с жалостью.

«Иди уже, грейся. А девочку я для тебя поищу. По-своему...»

Мне снилось, что я куда-то еду. Сани летели легко – ни кочек, ни ухабов. Внутри еще гнездилился озноб, но норка, в которой я лежала, была восхитительно теплой. Правда, тесноватой.

– Тише, киса, тише, – сказала норка. – Никто тебя не обидит. Обморожения не будет, кое-что я еще могу, – голос тоже был теплым, как солнечный свет.

Мр-р-р. Приятная волна прошла по спине – от головы до основания хвоста. И еще раз. И снова.

Обычно я не позволяю себя гладить, но сейчас мне было так хорошо, так уютно – и совершенно неважно, что за человек держит меня в объятиях, как в колыбели, прижимая к теплой груди.

Теплой голой мужской груди...

– Э, подруга! Давай без когтей! Я понял, что ты пришла в себя и хочешь на волю. Все, отпускаю, – меня подхватили, высвобождая из слоев ткани, в которых я запуталась. – Смотри, какая шуба. Устраивайся.

Мех! Серебристый, густой. Шуба пахла не только зверем, но и мужчиной, который только что держал меня на руках. И чего ради я вырвалась? Он же не знает, что я не настоящая кошка. Пусть бы гладил. Он живой и теплый. Живое тепло приятнее неживого и согревает лучше.

– Под шубой телогрей, не замерзнешь.

Мех и правда был, как печь – только мягкая. Незнакомец уложил его круговыми складками, заключив меня в пушистое гнездышко, а сам сел напротив и стал неторопливо застегиваться. Движения пальцев, перебирающих пуговицы, одну за другой, действовали усыпляюще. От слабости мутнело в глазах, разум уплывал в манящую тьму, и я позволила себе поддаться, услышав напоследок:

– Спи, кошка. Не бойся. Теперь все будет хорошо.

В глубине души я опасалась, что спасение мне пригрезилось. Наверно, поэтому и сны видела тревожные. В них были торжественные залы и мрачные своды, гулкие шаги, бряцание кандалов, ружья и сабли. Безжалостный голос читал приговор, и силы, способные разрушить мир, рвались на волю.

Но, открыв глаза, я обнаружила себя в роскошной карете. Лучезар на крюке освещал стены, обитые темно-синим жаккардом. Казалось, ткань подернута легкой изморозью, свитой в затейливые узоры. Такое отменно смотрелось бы на красном – в самый раз для зимней свадьбы! Вернусь, расскажу маме...

Настроение вмиг упало, и сразу стало слышно, как подвывают за стенками кареты духи зимы.

– Как спалось?

Хозяин кареты по-прежнему сидел напротив. На вид не старше тридцати. Сюртук из хорошей шерсти цвета хвои, ворот сорочки так и остался расстегнутым. Волосы рыжие, или скорее медно-каштановые, подстрижены по моде столичной знати. Палевые крапинки на носу обещали к лету расцвести россыпью полноценных веснушек.

Среди тех, в ком сильна вайнская кровь, много рыжих. Но лицо у незнакомца было не вайнское – и глаза не голубые и не серые, а опалово-карие, будто у филина или кота. Может, и светятся в темноте?

Помню, учитель истории говорил, что у ригов издавна встречались такие, как этот господин – темно-рыжие, горбоносые и желтоглазые. Остатки древних племен, населявших полуостров. Вероятно, из тех самых народов моря и солнца.

Но самое примечательное я заметила, когда рыжий господин наклонился извлечь из-под сиденья лаковый короб, обитый планками с магическим орнаментом.

Седая прядь в волосах! Над левым виском словно белилами мазнули.

– Есть хочешь?

Длинные пальцы откинули крышку короба, карета наполнилась ароматами колбас и мяса.

– Вижу, что хочешь!

Я и сама не поняла, как, забыв о манерах, успела соскочить с шубы и сунуть нос внутрь. Это же волшебный сундучок фирмы «Кельскап», да? В «Вестях со всего света» писали, что он способен месяцами предохранять от порчи самые капризные продукты. Даже у нашего бургомистра такого нет!

Рыжий достал складной столик и быстро заставил его разносолами. Хотел подать мне на пол миску с жареной утиной ножкой, но я быстренько вспрыгнула обратно на сиденье. Встала на краешке, с надеждой глядя на своего спасителя.

– Желаете обедать, как воспитанный человек? – он засмеялся и подвинул столик к моему дивану.

Ножка была сочная, с хрусткой румяной корочкой – коготки оближешь. Была и пропала. Кость от нее отправилась в отделение для отходов, а перед мной лег кусочек отварной стерляди. Век не ела ничего вкуснее!

– Молодец, хорошая девочка, – похвалил мой аппетит рыжий господин. – Хотя какая ты девочка? Ты же явно парень, вон какой здоровяк!

Оборотни всегда крупнее обычных зверей. Но за мужчину в кошачьей шубе меня еще никто не принимал.

Протест сам сорвался с губ, хоть я и знала, что выйдет обычное «мяу». То есть необычное. Свое несогласие я высказала хриплым басом – сказалась вынужденная прогулка по морозу, – отчего рыжий только укрепился в своих водах.

– Под хвост заглядывать не буду, поверю на слово. По голосу слышно, что ты самый настоящий кот-производитель из Йагунского Приюта Зимы. Как же ты оказался один в чистом поле? Удрал от хозяев, дурачок? Скажи спасибо, что на тебе печать богини, иначе бы я мимо проехал.

Я наострила уши.

– Ты снежный кот и устойчив к морозу. Но есть стужа, которую даже мне без телогрея долго не выдержать, – выговаривал рыжий, а сам подкладывал в мою миску жирного творога. – Ешь, не стесняйся, пища дает тепло. А я, пожалуй, согреюсь по-своему.

Он сделал глоток из плоской фляжки, одетой в кожу, и я почуяла крепкий запах с анисово-мятным оттенком.

– Кот ты у нас непростой, это ясно, – хозяин кареты бросил в рот стручок маринованного перца. – Интересно, что в тебе такого. Лечишь хвори? Или предсказываешь погоду?

Он наклонился через стол, всматриваясь в меня совиными глазами, и за его добродушной повадкой проглянуло что-то такое, от чего я вновь ощутила на себе мертвящее дыхание стужи.

– Нет, разумеется. Предсказатель не сбежал бы в метель. Может, тебя бросили? Такого красавца?..

Рыжий отдернул занавеску на окне.

Лучше бы он этого не делал!

Мело так, что непонятно было, день снаружи или ночь. Снежные твари бежали ровнехонько с каретой и весело скалились, поворачивая к нам морды.

Мгновение я крепилась, потом решила, что кошке позволительна непосредственность чувств, и зарылась под тяжелую шубу.

– Э, дружок. Ты, я вижу, совсем домашний. Не бойся, вылезай, их уже нет, – рыжий прикрыл занавеску. – Ты словно и на севере не жил.

«Не теряйся, Карин, – сказала я себе. – Ты кошка. Веди себя как кошка. Сделай вид, что шуба тебе интереснее всего на свете».

Шуба и впрямь была диковинной. мех ворсом и подшерстком походил на волчий, но лежал пышно, как у лисы или песца, переливаясь драгоценным серебром. Модницы, приезжающие в Свеванск, полжизни бы отдали за такое сокровище.

– Нравится? Это полярный волк. Редкий в наше время зверь. Редчайший. Не могу похвастаться, что добыл его на охоте, да я и не любитель. Эту шкуру мне подарили, когда я впервые приехал в Йагунский Приют Зимы как Фрост.

Фрост?

Граф Даниш-Фрост?!

Протектор Приютов Зимы. Повелитель льдов и морозов. Владыка зимней стихии.

Тот, кого называют Белым Графом.

Кто же еще? Он чувствовал печать богини и видел снежных духов, его карета летела сквозь непогоду, как салазки с горы...

И все же странно. В поэме «Нашествие ланнов» сказано, что у тогдашнего Белого Графа «парой сапфиров сияли глаза» и «волосы вьюгой по ветру вились, белые, точно снега». Когда мы ее проходили, в «Вестях со всего света» как раз появилась гравюра: старый король в обществе трех других ригонских владык стихийных сил. Я высмотрела графа Даниша-Фроста, благородного вида мужчину под сорок, и мое воображение легко превратило его в героя поэмы – с глазами-сапфирами и волосами как снег.

С тех пор прошло лет десять. Король у нас новый. Почему бы не быть новому Белому Графу?

Подумать только – владыка зимы потчует меня творожком!..

– Незадолго до моего приезда, – продолжал рыжий Белый Граф, – у ворот Приюта умер старый волк. Его шкура была желтой и облезлой, но я не стал отказываться. Мне было всего двадцать два, и я подумал, что доха из полярного волка придаст мне солидности.

Он явно соскучился в одиночестве и был рад слушателю, пусть и бессловесному.

– Всю зиму я держал шкуру на снегу, на морозе, напитывал силой, пока она не ожила и не заблестела. Летом блеск тускнеет, зимой возвращается. Но сейчас не то, сам видишь.

Я не видела. По-моему, шуба была великолепной! И жаркой, как печь.

После еды клонило в сон, и под негромкий голос графа я позволила себе задремать.

Когда открыла глаза, показалось, что ветер снаружи стал тише. Столик с закусками исчез, а мой высокородный попутчик читал книгу.

Какой он все-таки рыжий. Летний. Даже кожа легкого коричневого оттенка. Не потому ли новый Белый Граф плохо справлялся с морозами, что еще не стал человеком зимы? Белого в нем всего одна прядь. Может, с годами весь побелеет, и глаза сделаются синими.

Стало любопытно, что он читает. Я перепрыгнула на графский диван и сунулась под руку, держащую книгу, чтобы увидеть название. Даниш-Фрост погладил меня. Мр-р-р...

– Пахнет мышами? – спросил он, наблюдая за моими усилиями. – Ты, я смотрю, любознательный мальчик.

Он показал мне обложку.

– Зан Носса «О людях и богах». Слышал о Зан Носсе? Загадочная личность. Некоторые утверждают, что под этим именем скрывается женщина, причем иностранка, – Даниш-Фрост подмигнул мне. – Но этот Зан Носса очень неплохо знает ригонский. Как считаешь?

Он открыл книгу и прочел:

– «Споры о природе богов идут не одну сотню лет. По этому поводу написано много трактатов и пролито много крови.

Я утверждаю: богов как таковых не существует.

Но кто, спросите вы, благословляет наших детей, отвечает на наши молитвы, является нам в Ночь Всех Богов?

Я отвечу: хранители силы.

А вернее – хранилища, одушевленные нашим самообманом.

Мы отняли силы у природы, но побоялись взять на себя ответственность за обладание ими. Вместо этого мы придумали богов, вдохнули в них жизнь своей верой и слабостью. Переложили свое бремя на их плечи, тем самым вручив им власть над собой и своими природными талантами».

Граф усмехнулся.

– Как ты понимаешь, ули не в восторге от таких рассуждений. Особенно, ули Двудликого. Я тоже не поклонник этой Занозы, но в чем-то с ней соглашусь.

Он отложил книгу и посмотрел в окно.

– Я знаю, почему она больше не говорит со мной. – Стало ясно, что сейчас он не о Зан Носсе, и это уже не шутка. – Потерять силу, потерять веру в себя... это и означает потерять своего бога.

Граф снова погладил меня, почесал за ухом и оставил руку на холке. Непозволительная вольность. Но не бить же человека по лицу когтистой лапой за то, что он счел себя вправе приласкать кошку? Я спрятала смешок за коротким «мр-р» и прикрыла глаза, раздумывая о словах графа.

На ум пришел дед Полкан. Он был моложе бабушки, пережил ее на шесть лет и с охотой учил меня всему, что знал и умел. Больше у него никого не было, и только со мной он мог поговорить по душам. «Мы с тобой, Карин, как кошка с собакой, сиречь псом», – шутил он.

Вечерами, пропустив кружку пива, дед Полкан любил пускаться в рассуждения:

«Магия, Карин, бывает разная. Это владыки стихий решили, что их магия настоящая, а все остальное не в счет или вовсе зло. Только их-то сила заемная, взятая у богов. А боги как дали, так могут и забрать. Мы же, оборотни, сами богам под стать, ходим в высшие миры. Ха-ха! Я тут подумал. Может, и боги так умеют, только наоборот – приходят из своего мира и гуляют среди нас, котами или собаками», – он захохотал, довольный своей выдумкой.

«А может, и людьми?» – предположила я тогда.

«Может, и людьми...»

– Что-то я устал, – пробормотал граф.

Он дернул витой серебряный шнурок, и в перезвон конских бубенцов – там, снаружи – вплелось басовитое «дон-дон-н-н».

Карета встала. Слышно было, как скрипит снег, ржут кони, грузно брякает крышка каретного ящика.

– Не бойся, – сказал граф. – Это Сельфан, мой кучер. Сейчас даст лошадям корм, укроет и придет к нам греться.

Немного погодя в карету и впрямь без церемоний влез безбородый, румяный от мороза парень. За дверью выюжило, но внутрь ветер не задувал. А кучер, хоть и окутан был морозным духом, не принес с собой снега. Вот что значит путешествовать с Белым Графом!

Сельфан сбросил на пол свой длинный тулуп, затем тужурку с блестящими пуговицами – под ней поверх вязаной кофты обнаружилась серая лепешка телогрея. Надо же. Может, и у лошадей в попоны печки вшиты?

– Жива красота! – парень с восторгом уставился на меня.

Хотел погладить, но заметил графскую руку на моих лопатках и ограничился тем, что почесал мне шею. Пальцы у него были грубые, пахли лошадьё и овчиной.

Я мурлыкнула для порядка.

– Ты ел? – спросил граф.

– А как же, господин, – весело отозвался кучер. – Делать-то нечего. Сиди, правь поменьку да жуй, пока не лопнешь.

– Тогда ляг поспи. Скоро все затихнет. Утром я размету и поедем, а в Лейре под крышей заночуем.

Не думала, что знатные господа пускают прислугу спать в своей карете, но видно, у Сельфана с графом было так заведено.

Пока я удивлялась, Даниш-Фрост поднялся и отворил только что прикрытую дверь.

Неужто на улицу хочет выскочить? В одном сюртуке!

– А барышне до ветру не надо? – спросил Сельфан, стягивая толстые валяные сапоги.

Граф посмотрел на меня так, будто ему в голову не приходило, что у кошек могут быть те же потребности, что и у него самого. Хотя я бы еще потерпела. Кошкой мне терпится дольше.

Увы, граф был непреклонен:

– Не хочешь опять на мороз? Понимаю, дружок. Но вонь мне в карете не нужна!

Было страшно: вдруг пурга опять возьмет меня в плен и уже не отпустит? Однако стоило графу прыгнуть с подножки, как снежные твари, кружащие у кареты, прынули прочь, унеся с собой белый хаос, и стало заметно, что непогода впрямь присмирела. Ветер потерял силу, снег больше не вихрился, а летел косым занавесом. И вот диво: среди метели и сугробов черная, с серебром, карета стояла чистенькая, будто под невидимым навесом. Лошади в четверной упряжке, укрытые от шей до копыт, жевали, опустив морды в торбы.

Граф далеко не пошел – перед кошкой стыдиться незачем. Тем более перед котом. Я еле успела отвернуться! И нырнула под карету, низко сидящую на полозьях. Лучшего укрытия рядом не было. Но всего через минуту бесстыдник Даниш-Фрост полез меня искать:

– Куда запропастился, дурашка?

Когда мы вернулись в тепло, кучер уже похрапывал, укрывшись своим тулупом. Хозяйская доха висела на стене.

Граф тоже прилег, устроив голову на валике с серебряной кистью, а меня стал гладить и почесывать, уложив к себе на грудь.

Нельзя было этого допускать. Но я же кошка, а кошкам нравится, когда их гладят. И мне нр-равится. Очень нр-р-равится. Я и не подозр-ревала, что это так здор-р-рово...

Все во мне журчало и вибрировало под чуткой ладонью. Сказать по правде, даже неуклюжая ласка Сельфана не показалась такой уж неприятной...

Мысль была как угли в лицо. Что, если я уже потеряла связь с телом, запертым в Небыли, и кошачья природа во мне берет верх над человеческим разумом?

Граф успокаивающе провел рукой по моей голове:

– Чего испугался, глупенький? Больно ты нежен. Может, и правда барышня?

Странно это все-таки: лежать на человеке, да еще мужчине. Я всем телом ощущала, как дыхание вздымает его грудь, как бьется сердце; сквозь запахи одежды и недавнего обеда пробивался его собственный запах, и я знала, что запомню каждый оттенок. Мы лежали лицом к лицу, едва ли ни нос к носу, так что можно было тронуть лапой родинку на его щеке и боднуть лбом подбородок.

Было в этой близости что-то интимное. Не в чувственном смысле, а в человеческом. Мы ведь никого не подпускаем к себе на такое расстояние, кроме самых родных. Тех, кому доверяем...

В горле встал ком.

Пальцы графа, зарывшиеся в мою шерсть, вдруг замерли, в летних глазах сверкнули морозные искры.

– Печать-то на тебе, братец, особая, – выдохнул он, – не людьми поставленная. А я и не заметил...

Казалось, у него голос сел от волнения.

– Ты здесь, Нежа? Пришла посмотреть на болвана, который отдал свой дар недостойному? Карстен молодой дурак, горячая голова, но он честный парень и мой брат. Я не мог иначе

и не жалею! Кроме того... может, ты рано от меня отвернулась? – он качнул головой и усмехнулся, внезапно успокоившись. – Знаешь, некоторые вещи лучше не открывать даже богам.

Было до ужаса интересно, что все это значит, но граф обнял меня обеими руками, пробормотал: «Ладно, котик, ты ни при чем. Давай спать», – и закрыл глаза.

Грохнуло в вышине. Страшно, раскатисто. Будто весенний гром или ружейный залп. С шумом взмывали к небесам вспугнутые птицы. Стаи птиц, черных, как грозовые тучи, как пруд далеко внизу. Тучи прорвались ливнем, и черная вода в пруду закипела. Птицы камнями посыпались с высоты...

«Будь проклята ваша магия! – грянул женский голос, сильнее грома, яростнее бури. – Она отняла у меня мужа. Отняла старшего сына... Не спорь! – Женщины я не видала, но взгляд ее давил гранитной глыбой. – Теперь младший погибнет ради твоей силы?»

Я и не спорила. Не могла. Я падала! Черная вода кружила меня и тянула в водоворот. Я захлебывалась, задыхалась...

– Хватит! – вклинился другой голос, мужской, твердый, уверенный. – Рауд, ты не один. Все занавесилось туманной пеленой, и я соскользнула в сон – обычный, без кошмаров.

А потом я... Нет, не проснулась – очутилась в зимней сказке. Блестели под солнцем сугробы, пушистыми хлопьями кружился в воздухе снег, но исчезал, не достигая земли. На ветвях, одетых инеем, чистили перышки щеглы, под елями резвились белки, а дальше виднелась избушка с расписными ставнями.

Холодно не было. Ни капельки. словно я в театре и меня окружают декорации. Даже небо над головой казалось куполом из синего стекла. Ноги в легких туфельках совсем не мерзли.

Я присела на корточки, тронув снег рукой. Надо же, какой рассыпчатый. И теплый. Постой... Что я только что сделала?!

Вслед за всплеском удивления меня омыло пьянящей радостью.

Руки! Ноги! Туфельки!

Я снова человек!

Как, почему – подумать не успела.

За стеклянным куполом, по другую сторону синевы, что-то двигалось – то темное, то светлое. А потом...

– Имя! – прогреготало небо.

Не гром и не залп. Камнепад в горах, от которого посыпался снег с ветвей и шишки с елок, сорвались в небо щеглы и метнулись прочь белки.

А я... мне куда бежать?

– Как твое имя! – прогудела твердь под ногами.

Я кинулась к избушке. Но мир вздыбился, на пути вырос ледяной утес, а избушка вознеслась на его вершину.

Удушливым валом накатила паника.

– Кто вы? Что вам нужно?

На секунду мелькнула мысль, что ко мне обращается сам Двуликий.

– Кто тебя послал? – пророкотало вновь.

– Ник... то!

Громовой голос давил на грудь, сам воздух превратился в тиски, я даже кричать не могла, лишь всхлипнула:

– Что вы делаете? Мне больно!

– Это потому что твое тело умирает.

Мое тело? Которое?..

– Здесь только твоя сущность, кошка-оборотень. Личность. Душа. Если в ближайшие пару минут ты не вернешься в одно из своих тел, а ты не вернешься, пока не скажешь правду... Зачем ты проникла в мой сон?

– В чей сон? Я никуда не проникала, я просто спала!

– Нежа велела тебе занять мое тело?

– Что?! Снежа? Нет!

– Тогда для чего ты осталась кошкой? Почему не обернулась человеком?

– Потому что не могу! Меня околдовали.

– Ложь! Нет такого колдовства!

Все полетело кувырком. Елки, избышки, ледяные утесы закружились в снежных клубках. Или это меня качало, несло и подбрасывало?

– Не надо! Перестаньте! Пожалуйста!.. Мне плохо, я задыхаюсь! Хватит!..

И все закончилось.

Упал мрак, я вздохнула полной грудью и под шум крови в ушах уплыла в бездонный омут, где было тихо и покойно...

Глава 6, *полная подозрений, опасений и домыслов*

Кошка спала, и Рауд перенес свое сознание в ловушку. Это было проще, чем погружать себя в принудительный сон – и определенно безопаснее. Постороннего, даже сновидца, родовая ловушка без ключа не впустит. А тело, оставленное без защиты... Кошка сейчас не в силах дотянуться до собственного хвоста, не то что причинить вред человеку.

Ее крик до сих пор стоял в ушах.

Женщина. Кошка. Оборотень. Надо же было так ошибиться...

Рауд покачал головой.

Отец появился сразу – будто ждал его. Наверняка ждал. Высокий, худой, слегка нескладный, сумрачно-карие глаза смотрят пристально, огненно-рыжие волосы по обыкновению всклокочены. Только маме удавалось превратить это сорочье гнездо в прическу, подобающую владыке стихий, графу и члену Королевского Соборания. Ныне рядом с отцом не было никого, кто следил бы за его видом, и Рауд втайне радовался этому.

За месяцы, прошедшие с их последнего разговора – с их крупной ссоры, что там говорить, – в отцовских вихрах прибавилось серебряных нитей. И ни одна не указывала на владение фамильной силой. Бывший граф Дагрун Даниш-Фрост, утративший право на родовое имя после ухода в Гнездо, родился с сильным даром сновидца и без малейшей предрасположенности к магии зимы.

– Ты появился как по заказу, – сухо заметил Рауд. – Следил за мной? Мы же договорились – в мои сны ты без спросу не суешься.

– Тебе снился кошмар, – брови у отца тоже были косматыми и сейчас сошлись над переносицей как два рыжих медведя над выступом скалы. – Ты опять не закрылся. Забыл? Или поленился?

– Не видел смысла.

Отец сам учил, что проникнуть в чужой сон извне, если спящий не задерживается на одном месте дольше полусуток, практически невозможно.

– Чужих рядом не было. Людей, – Рауд криво усмехнулся. – Но ты прав, я учту урок.

– Где ты подцепил эту тварь? – отец неопределенно мотнул головой, указывая за пределы ловушки.

Рауд рассказал, как ощутил искорку жизни посреди терзаемой бураном ледяной пустыни – будто укол иглы в сердце.

Пока он говорил, на поляне, укрытой уютным снежком, возникло кресло, словно вырезанное из огромного пня. Отец уселся в него, как король на трон. Рауд сотворил себе обычное – вроде тех, что имелись в Даниш-хузе. Материя сна плохо подчинялась ему, но внутри ловушки их с отцом силы были почти равны.

Когда рассказ дошел до личной печати богини, отец вздохнул с видимым облегчением.

– Все-таки она не оставила тебя, – его глаза зажглись, как праздничные фонарики. – Я надеялся на это. Даже сейчас ты стоишь десятка бездарей на службе у Альрика...

Рауду с детства твердили, что уже пять поколений не появлялся на свет маг зимы с более сильным врожденным даром.

– Я не осуждаю тебя, – отец пытливым взглядом глядел ему в лицо, – я потерял это право. Мне не по душе твой выбор, но я на твоей стороне, что бы ты ни сделал и что бы ни планировал сделать...

Фраза оборвалась на вопросительной ноте.

– Спасибо, – Рауд притворился, что не понял намека.

Отец на миг сощурил глаза и медленно кивнул. Уход от ответа – тоже ответ, а то, что знает один сновидец, знает все Гнездо.

– Как мама? Как Карстен? – отцовский голос дрогнул.

– На прошлой неделе пришло письмо. Они в Нотьеше. Посмотрели Веррианский дворец и водопады Гроха. Собираются в Тиенну.

Мама не отвечала на отцовские письма, только время от времени справлялась у Рауда о здоровье мужа.

– Она никогда не простит меня, – отец тяжело вздохнул. – И ты тоже.

– Мне не за что тебя прощать.

Рауд мог бы сказать, что двадцать два года – слишком мало, чтобы заморозить себя в вечной зиме. Что после окончательного принятия дара все краски жизни для него словно запошило снегом. Это Альрик почти не изменился, лишь стал чаще заводить новых любовниц. А для зимней стихии нужно созреть.

Но теперь это не имело значения.

– С богами не спорят, – заметил он.

Пусть отец уверял, что счастлив своей новой судьбой, Рауд не сомневался: он не уступил бы ни титул, ни дар не будь на то воли богини.

– У твоей Кошки шок, – сказал отец. – Когда восстановит силы, позови меня, я с ней потолкую.

– Если она согласится.

– Ты собираешься ее спрашивать?

Рауд отвел глаза. На кону стояло слишком многое, но...

– Мы и так напугали ее до полусмерти. Отторжение началось раньше, чем должно было.

– Это из-за того, что у нее нет связи с основным телом.

Вот оно что. Кошка сказала, ее околдовали. Он не поверил. Но отсечение от Небыли – тоже разновидность колдовства...

– В любом случае я буду говорить с ней сам.

– Уверен, что справишься? Она выглядела, как...

– Кукла, – подсказал Рауд.

Ловушка обладала свойствами мира снов, а в мире снов обычный человек – или оборотень – не способен ни лгать, ни менять вид по собственной воле. Вернее, способен, но лишь в том случае, если обманывает сам себя и верит в свой обман. Это редкость, род душевной болезни. Прodelывать такое осознанно может лишь истинный мастер, а Кошка мастером не была.

Но и обыкновенным оборотнем тоже.

Ее человеческое обличье напомнило Рауду куклу, стоявшую на каминной полке в маминном будуаре. Красные юбки, пышные формы, белокурые локоны. Фигурка в шаре была слишком маленькой, чтобы рассмотреть подробности, однако в жизни женщина вряд ли станет подражать кукле...

Есть ли у Нежи власть над снами?

– Светлые боги никогда не давали оборотням своих личин.

Отец передернул плечами:

– Все когда-то бывает в первый раз. Эта девица вошла в твой сон легко и незаметно, как истинный фантом.

– Возможно, она просто бездумное орудие. Мы оба знаем, как боги умеют играть с людьми.

– Только не дай милому личику ввести тебя в заблуждение, – опершись о подлокотники, отец наклонился вперед. – Фантом светлой богини все равно фантом. Помни, что случилось с Гинасом.

Он поглядел на заснеженные ели, на мягкие хлопья, беззвучно летящие с высоты – из ниоткуда в никуда.

– Я хотел предупредить тебя, Рауд. С некоторых пор в сон-эхе дворца появились странные оттенки. Нет оснований подозревать злонамеренное воздействие. Там каждую ночь засыпает слишком много людей, и магов в том числе, колебания эха неизбежны. Но мне это не нравится.

Все было как прежде – карета, волчья шуба. И я в кошачьем теле. Вроде бы и мига не прошло, но от кучера и его тулупа остался один запах, под полозьями бодро пел снег, звенели бубенчики. В окна лился тихий дневной свет, отражаясь от начищенных сапог графа.

Даниш-Фрост сидел напротив – нога на ногу, руки скрещены на груди.

– Неважный из тебя хватчик чужих тел, – произнес он с холодной усмешкой. – Как и из меня допросчик. Позже попробуем еще раз, а сейчас тебе надо отдохнуть и подкрепиться. Тело без души быстро теряет силы.

Не знаю, как насчет души, но тело и правда одолевала слабость. И не та, какая случается от усталости после долгого бега по снегу и бессонной ночи на лютom морозе. Эта слабость была, как после тяжелой болезни – словно из меня выпили саму жизнь, оставив лишь чуть на доньшке. Не хватало сил даже на то, чтобы как следует испугаться, а на злость и подавно.

Поэтому, когда граф поставил передо мной тарелку с паштетом из гусиной печени, я не стала гордо фыркать ему в лицо, хотя в глубине души и хотелось, а привстав на дрожащих лапах, передвинулась к краю дивана и лизнула мягкую, жирную, божественно ароматную розоватую массу.

Свяна, что за вкус! Теперь я понимаю, почему богачи смотрят на нас свысока. Тот, кто каждый день ест такое чудо, должен ощущать себя небожителем.

Я опомнилась, только когда опустошила тарелку – еще и крошки языком слизнула. И все на глазах у человека, который чуть меня не убил...

Я вцепилась в эту мысль когтями и зубами, не давая себе провалиться в сон. В животе было тепло, глаза отчаянно слипались. Но засыпать нельзя! Иначе проклятый Даниш снова утащит меня в свой снежный кошмар.

Граф спрятал под сиденье чудо-сундучок со съестным, а когда выпрямился, в его руках был стеклянный шар размером с крупное яблоко. В шаре роem вились белые крупинки, стояли крохотные елки в снегу и домик с веселыми ставенками...

Спину продрало ледяной дрожью, вмиг прогнавшей сон.

– Скажу на случай, если ты не знала. За проникновение в чужой сон полагается каторга. Но сначала будет разорвана твоя связь с незримыми мирами и с Небылью тоже. Захват тела карается казнью через повешение.

Он смотрел на меня безжалостными совиными глазами, а я разглядывала хищный рисунок его ноздрей, четкую линию скул и не могла понять, куда делся добродушный человек, который отогрел на своей груди замерзшую кошку.

Как убедить его, что я никуда не проникала и, тем более, ничего не захватывала. Поорать мяу на все лады? Порвать обивку на диване или расцарапать ему лицо? Так ведь пристукнет еще. Даром что снежные кошки числятся священными животными.

– Не имеет значения, для себя ты это делаешь или для Нежи, – продолжал граф, – итог будет один. Кстати, нашу с тобой общую богиню зовут именно так – Нежа. Люди часто ошибаются, а она этого не любит, учти.

Так вот что означало ее «Зови правильно». Что ж, учту теперь.

– Дар оборотня открывает многие двери. Но хождению по снам тебя явно не учили, а меня – да. Врожденные способности тоже пока при мне, как и пара маленьких семейных секретов.

Он встряхнул шар, и над елками, над избушкой закружилась метель.

– Знаешь, что это?

Еще одна модная игрушка для богатых. В руках не держала, но видела. Только в этой в придачу к зимнему пейзажу – магия.

– Это ловушка, способная пленить душу того, кто был рожден с даром. Поцелован богами, как говорили в старину.

Губы графа дрогнули в невеселой усмешке, и я вспомнила поцелуй Снежи и поцелуй Свена и Свяны до того.

– В мире снов дар служит калиткой, через которую в сон проникает чужой. Однако незваному гостю стоит помнить, что тот, за чьим телом он явился, может оказаться сильнее. Подумай об этом, пока приходишь в себя. А после мы поговорим. – Даниш-Фрост постучал указательным пальцем по стенке шара. – Не пугайся. Если не будешь запираяться, все пройдет без неприятностей.

Я почувствовала, как шерсть на загривке встает дыбом. Снова в эту душегубку? Ни за что на свете! Даже если это мой последний шанс хоть разок почувствовать себя человеком.

Граф положил шар в замшевый мешочек с меховой подкладкой и спрятал под сюртук. Тот ни капли не встопорщился, словно шар в мешочке чудесным образом стал плоским...

Не спи, Карин, не спи! Иначе не проснешься.

Но зачем графу выдумка о похищении тел, так похожая на старые сказки о похищении душ?

Или... от сумасбродной идеи закружилась голова. Что, если таков замысел богини? Ввести оборотня, потерявшего свое человеческое тело, в сон Белого Графа и...

Странные существа – боги. Если чего-то хочешь, скажи прямо, а не напускай тумана. Сослужить службу. Какую? Может, граф в чем-то провинился, раз потерял свою силу, и богиня желает, чтобы я заняла его место? Стала мужчиной?! Абсурд. Хотя какие открываются возможности... Сделаться владелицей целого графства!

Но чего в таком случае потребуют от меня Свен и Свяна? Выйти замуж по их указке? Вернее, жениться, коль скоро я окажусь в мужском теле.

Мысли путались. Казалось, карету качает, как судно в шторм, и я поняла, что не сдержу клятвы...

Разбудили меня запахи съестного и позвякивание столовых приборов: граф обедал. Ел фрикасе из куропаток и маринованную спаржу. Увидев, что я открыла глаза, достал чистую тарелочку, отложил две ложки фрикасе и подвинул столик к моему дивану.

Заботливый какой! Пыточных дел мастер тоже зовет к узнику лекаря, чтобы тот помог бедняге дожить до следующего истязания.

Однако я проглотила все, что дали – силы мне понадобятся. Покосилась на спаржу.

– Мало? – спросил граф и подложил мне еще куропатки.

Так всегда. Люди думают, раз ты кошка, то овощи не ешь. А я ем, и с удовольствием! Но просительно мяукать, показывать лапой и заглядывать в глаза не буду.

Как видно, проспала я недолго. День был еще в разгаре, снеговые облака разошлись, светило солнце. Ехали мы уже не по реке, а через голую рощу. Неровности дороги карета одолевала плавно, без подскоков и тряски – не знаю, стараниями графа или нам просто везло. Граф, кстати, приоделся: сорочка была застегнута на все пуговицы, а горло прикрыто шейным платком из черного шелка, повязанным по всем правилам салонной моды.

Когда мы разделались с фрикасе, он достал из волшебного сундучка другой сундучок, латунный, от которого шел запах сырой рыбы и тянуло зимней стужей.

Под крышкой в самом деле обнаружилась половина рыбной тушки, мясистой, жирной, из тех, что ловят в северных реках, а потом в бочках, живьем, везут на перекладных к королев-

скому столу. Но эта рыбина была уже крепко заморожена, и волшебный сундучок умудрился мороз сберечь, непонятно только зачем.

Граф поставил кусок вертикально и, придерживая двумя пальцами за хвост (даже смотреть холодно!), повел вдоль него рукой. Мне почудилось, что воздух в этом месте словно бы надломился, замерцал острыми гранями, а потом с розовато-белого рыбьего бока пошли сами собой нарезать тоненькие ломтики и ложиться в латунное корытце, сворачиваясь в стружку. Стружка была прозрачная и красиво просвечивала на солнце.

Сбоку корытца имелось второе отделение. Граф достал из него круглую баночку, откупорил, и я чихнула.

– Прости, Кошка. Соль и перец лучшая приправа к строганине. Есть еще горчичный соус, но боюсь, он тебе тоже не подойдет. Угощайся так, – и он переложил мне на тарелочку одну рыбную стружку. – Первейшая строганина в Ригонии. Из сига, выловленного моим приятелем гобром в Йагун-ягге. Прислали прямиком из тамошнего Приюта.

Строганина? Слышала я об этой причуде. Одна из наших заказчиц, мать невесты, жаловалась, что жених одержим затеей поразить гостей нарезкой из мороженой рыбы. Дескать, среди понимающих людей это самый писк. «Предложить почтенным господам сырую рыбу! – сокрушалась она. – Я же со стыда сгорю! Словно мы дикари какие или нищие, ни запечь, ни зажарить не можем». И я была целиком с ней согласна. Ни человеком, ни кошкой сырое есть не буду!

– Не хочешь? – удивился Даниш-Фрост. – Ты не знаешь, от чего отказываешься.

Он вел себя дружелюбно и предупредительно, совсем как вначале. Впору думать, что снежный шар и слова про каторгу и казнь были всего лишь продолжением дурного сна.

Я бы и подумала, если бы встречаясь со мной взглядом, граф не отводил глаза, а его улыбка не казалось нерешительной и... виноватой, что ли.

Когда с обедом было покончено, граф сказал:

– Вижу, силы к тебе вернулись. Не будем откладывать.

Он достал из кармана знакомый замшевый мешочек. В мешочке угадывалось что-то маленькое, заметно меньше снежной ловушки, и я решила пока не беспокоиться.

– Ты неслучайно оказалась на моем пути, – заявил Даниш-Фрост. – Я должен знать, что тебя связывает с Нежей. Не бойся. Если ты в беде, я помогу, насколько это в моих силах. А если совершила что-то плохое... обещаю разобраться и не действовать сгоряча.

Он вытряхнул из мешочка крохотный шарик, сжал его в ладонях, и шарик начал увеличиваться в размерах, на глазах превращаясь в сферу с елками и снегопадом внутри.

Вот теперь самое время для беспокойства!

Солнце мазнуло бликом по гладкой макушке сферы. Я соскочила на пол и закрутилась в углу между графским диваном и дверцей кареты, как делают кошки, выбирая место для облегчения.

Какой густой ворс у ковра. А под ним войлочная обивка. Вывести запах будет ой как непросто!

– Что ты делаешь? – озадаченно произнес граф.

Я присела на напружиненных лапах и отставила хвост.

Отошла на пару шагов, сделала еще круг и посмотрела графу в глаза.

Теперь сообразили, ваше сиятельство?

Сказать по правде, с пола его глаза было видно плохо, зато свой взгляд я постаралась сделать как можно более выразительным.

Право слово, стоило затеять это представление уже ради того, чтобы увидеть оторопь на его лице!

Граф резко дернул шнурок – как только не оборвал? Карета остановилась.

А с какой поспешностью он кинулся отворять мне дверь – словно это я была графиней, а он услужливым лакеем!

В перелеске стояла тишь, снега дремотно гудели что-то про себя, и я без страха выскочила наружу. Граф вышел следом.

– И не стыдно вам, барышня Кошка? – пошутил он, неловко улыбаясь. – Такая милая, такая нарядная – и портить ковер. Нехорошо.

Стыдно, еще как стыдно. Сейчас под шубой, наверно, красная, как редис. Но простите, ваше сиятельство, в вашу ловушку я больше не хочу!

Куст бузины, осинка, еще куст – все тонкие, насквозь прозрачные. И снег, как назло, ровный, ни одного большого сугроба, чтобы прикрыл от глаз мужчин.

– Далеко не уходи, – велел граф.

Он смотрел прямо на меня – не в сторону, не под ноги, не в стенку кареты. Я приподнялась на задних лапах и махнула передней. Отвернись, бесстыдник! Отошла на несколько шагов, оглянулась и снова махнула. Как меня совестить, так он горазд, а самому такт выказать... Понял наконец. Криво усмехнулся, встал спиной.

Кучер на передке утопал в своем тулупе, спрятав нос в воротник.

Я завернула за дерево, у которого намело в три кошачьих роста.

А оттуда дала деру.

Хорошо быть снежной кошкой. Шкурка белая, поступь неслышная, легкая – кажется, не бегу, а лечу... Ой!

Снег, только что стелившийся под лапы мягким ковром, разошелся, открыв мерзлую землю, а потом взметнулся и облепил меня со всех сторон. Перед глазами замелькали серые стволы, синее небо в паутине ветвей, искристый наст, и я поняла, что качусь, заключенная в снежный ком – снаружи только голова и хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.